

Петр Катериничев

Время барса

ЦЕНТРОЛИРАР

Барс

Петр Катериничев

Время барса

«Автор»

2006

Катериничев П. В.

Время барса / П. В. Катериничев — «Автор», 2006 — (Барс)

После убийства на показе мод миллионера и депутата Ландерса спокойная жизнь для Али Егоровой закончилась – пистолет, из которого были сделаны выстрелы, подбросили в ее номер. И могущественная спецслужба начинает настоящую охоту за девушкой. Аля бессильна против хорошо вооруженных боевиков, но в этом безумном мире не теряет надежду на любовь и счастье. И когда она уже на краю гибели, неожиданно на помощь приходит человек «действия» – непревзойденный Маэстро. Теперь Аля уверена – настало время для решающей схватки...

© Катериничев П. В., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	31
Часть вторая	34
Глава 9	34
Глава 10	38
Глава 11	42
Глава 12	46
Глава 13	50
Глава 14	53
Часть третья	56
Глава 15	56
Глава 16	59
Глава 17	63
Глава 18	67
Глава 19	71
Глава 20	75
Глава 21	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Петр Катериничев

Время барса

(Барс-2)

Часть первая

КУРОРТНЫЙ БЛЮЗ

Глава 1

Край моря терялся в дымке. Прозрачная вода тихо плескала на гладкие камни, вылизывая берег, набегая на него с холодным неотвратимым постоянством... И так – день за днем, век за веком, увлекая его по неприметной горсти в грозную бездну.

Над берегом стелился ароматный дымок вишневого дерева. Молчаливый низенький человечек аккуратно выкладывал в небольшую коптильную деревянную стружку на уже зашедший огонек, готовясь поместить следом недавно выловленных пелингасов. Его напарник, среднего роста, широкоплечий, жилистый, в истертых добела джинсах и толстом свитере домашней вязки, возился с поленами. Его длинные волосы, забранные ремешком, были почти седыми. Лицо обезображено длинным рваным шрамом. Один за другим мужчина ставил полена на чурбачок и сильными ударами откалывал соразмерные брусочки, в самый раз годившиеся для шашлычницы.

Работал он не топором, а длинным тяжелым ножом наподобие мачете.

На берегу стоял домик-шале, приспособленный под ресторан. Огромная веранда, увитая черным виноградом и обычно по вечерам полная посетителей, сейчас была пустынна. Если не считать двоих хмурых парней лет двадцати пяти, зависших за большой оплетенной бутылкой с кислым вином.

– Гляжу я на этого – странный, – сказал один, шурясь от табачного дыма.

– Это ты про Седого? – отозвался другой.

– Ну. Работает, как машина-автомат. Полкуба оковалков ножовкой напилит – и только испарина на лбу. Да и ручищи у него в предплечье, глянь... Такими – бегемотам шеи сворачивать впору. И пожжены, словно он их в топку засовывал.

– Чего-то незаметно.

– Это видно, когда он рукава засучит. А так, с беглого взгляда, – вроде какдохлый. Доходяга. – Малый замолчал, лоб исказился, выдавая не вполне свойственную ему работу мысли. – Откуда он вообще взялся?

– Бомж. Прибился.

– Порасспросить бы надо.

– Гогу?

– Ну.

– Да он пошлет нас куда подальше!

– А в нюхало получить?

– Грач, ты все ж сухарик тянешь, а не ханку жрешь, – заводиться? Гога у Бати платежник исправный, с чего ты на него наедешь? С дури?

– Нас Карай послал к месту присмотреться, чтобы вечером никаких непоняток не вышло... Ну и...

- Тоже, Птицын в тылу врага! Нас сюда для порядку заслали.
- Ну а я о чем? По типу охраны.
- Дурила, от кого здесь Батю охранять? От чаек? Мы для представительства тут, уразумел?
- Для какого представительства?
- Показать: дескать. Батя наш – не бригадир какой вшивый, а крутой авторитет.
- Кому показать?
- Деду твоему! И бабке в придачу! Теперь включился?
- Чего?
- Понял, спрашиваю?
- А чего тут не понять? Ты не шибко-то наезжай, Куркуль, фильтруй базар! Или ты меня за дебила держишь?
- Да ладно, не заводись ты, Грачило, – махнул тот рукой.
- Заводись, не заводись... – вроде примирительно проурчал Грач, опрокинув очередной стаканчик. – А Седого бы пробить нехудо.
- Не лезь поперед Бати в пекло, понял? Я в позапрошлые выходные с Караем сюда Батю привозил. Так он этого Седого за свой стол усадил.
- Батя – бомжа?
- Стасик-то сидит.
- Ты не мути! Стасик – придурок! Шут фасолевый, из гнилых. А Седой – натуральный бомжара, бичуган.
- Ну и что? Кто Бате указ? Ты? У него глаз наметанный. Может, приручает?
- Кого? Седого? Да он же с «чердаком» не дружит! Там по всей «крыше» даже не протек – водопад, Ниагара, мля! Ты ему в глазенки заглядывал? Да у него в бестолковке мухи давно летят в теплые края! Стаями!

Грач икнул, уставился хмельным взглядом в затылок Седому и замер так, неспешно потягивая винцо. А тот тем временем аккуратно доцепил очередной чурбачок – и обернулся. Грач наткнулся на этот взгляд встык, как мерин на оглоблю. Подавился вином, закашлялся, а когда снова поднял глаза, Седой же продолжал все то же мерное и неторопливое занятие: удар, удар, удар.

– Че, Грачило, обмочился? – вроде добродушно усмехнулся Куркуль, оценив смятение сотоварища, но напарника от того тягучего взгляда будто повело: сухощавый Грач, подогретый вином, вдруг взъярился, взвился разом, как охваченный огнем сухой хворост... Его кулак полетел в голову сидящего напротив дружка и с хрустом врезался в переносицу. Куркуль рухнул на спину вместе со стулом. Грач вскочил и двумя мощными ударами кованых ботинок раскроил незадачливому собутыльнику стальными набойками щеку, содрав со лба лоскут кожи.

– Чачи напился, да? – гортанно выкрикнул, пытаясь сделать грозным круглое добродушное лицо, лысеющий кавказец лет шестидесяти, в белом фартуке и поварском колпаке, выскочивший из кухни на шум. – Совсем с ума сошел, да? Моча в голову ударила?

Грач молча, словно опьяненный кровью боевой пес, ринулся на хозяина ресторанчика. Тот попятился, успел сделать шаг, другой, уперся лопатками в стену, но Грач мчался прямо на него, ослепленный яростью. И вдруг словно налетел на невидимую преграду: ноги подкосились, и он с маху рухнул на деревянный настил.

Сзади стоял Седой. Как он перескочил изгородь и в считанные секунды оказался на веранде, да еще сумел догнать сорвавшегося Грача – заметить не успел никто. И вот теперь молчаливой тенью высился над поверженным; смерил сначала упавшего, затем притиснувшегося к стене толстого Гогу пустым, как морская пена, взглядом. Его блеклые голубые глаза не выражали ничего: ни ненависти, ни сочувствия, ни страха. Это был взгляд бездушной машины,

работа, в котором внезапное изменение обстоятельств включило дремавшую до поры боевую программу.

Хозяин ресторана побледнел так, что лицо его стало цвета белоснежного поварского колпака, кое-как справившись с собой, он произнес с резким гортанным акцентом, выражавшим сильное волнение, едва разлепляя сделавшиеся серыми губы:

– Успокойся, дорогой. Ты хорошо работал. Иди, продолжай. Скоро ужин. Гости приедут. Кормить надо.

В пустых глазах Седого словно пробежала искра; если они и не стали осмысленными, то и призрак близкой смерти ушел куда-то вглубь, в их мутную синеву, словно затаился, ожидая другого часа. Седой кивнул, спокойно подошел к краю веранды, легким прыжком перемахнул изгородь и вскоре вернулся к прерванному занятию.

Судорога запоздалого страха волной прошла по хребту кавказца, разрядом тряхнула руки. Гога обессиленно опустился на пол веранды, прошептав одними губами:

– Зомби.

Он так и оставался сидеть, когда через минуту из кухни показалась маленькая светловолосая полная женщина.

– Ты что расселся, Георгий, без тебя же никто не станет делать соус, – начала было она выговаривать мужу и тут только заметила и его испуг, и лежащее неподвижно длинное тело Грача, и его избитого в кровь напарника.

– Ой, батюшки светы, – всплеснула руками женщина, глянула обеспокоенно, спросила, в тревоге назвав мужа совсем по-славянски:

– Что случилось, Егорушка?

– Перевела взгляд на неподвижно лежащее тело, побледнела:

– Он что, умер?

«Егорушка» попытался изобразить на лице улыбку, но ее как раз и не получилось; с губ сорвался вздох то ли сожаления, то ли покорности злой судьбе.

Он, наконец, поднялся, подошел к лежавшему без признаков жизни Грачу, наклонился, приподнял тому веко, посмотрел зрачок, выдохнул с видимым облегчением:

– Живой.

– Что тут стряслось-то? – бегло, словно челнок швейной машинки, затараторила женщина. – Кто его так? Водки, что ли, перепили? А того, мордатого, кто отмутил? Что Бате-то говорить станешь?

Георгий покосился на жену, забросавшую его словами, будто снежными комьями, вздохнул, теперь уже с извечным мужским превосходством, произнес, проигнорировав все ее вопросы:

– Позови с кухни Вахтанга и Семена. Нужно пока этих в подсобку перетащить, что ли...

Женщина, словно не слышала его указаний, быстро подошла к лежащему у стола Куркулю, осторожно приподняла ему голову, услышав стон, заговорила сердито:

– Тут не Вахтанга с Семеном, тут врача нужно звать! Парню вон пол-лица раскроили.

– Мария! – прикрикнул на жену Гога. – Делай, что велено!

Женщина норовисто хмыкнула и скрылась за дверями шале. Через минуту оттуда появились двое мужчин: длинный, рукастый, чернявый Вахтанг и рыжий крепышок Семен. Гога сказал им что-то негромко, они уверенно погрузили обоих беспмятных бедолаг на плечи и потащили внутрь помещения. Тяжелая «беретта» выпала у Грача из-за пояса и тупо стукнулась о деревянный пол.

Гога выругался вполголоса, подобрал оружие за ствол, как какой-нибудь металлолом, и, не удержавшись, взглянул мельком на Седого. Тот уже докладывал маленькую аккуратную поленницу из нарубленных чурбачков.

В зале ресторана к Гоге спешил Семен. Лицо работника было встревоженным.

– Ну? – спросил Гога. – Плохо дело?

– У Куркуля нос переломан, сотрясение, может, на черепушке трещина. Ну и щека, ты же видел, штопать надо.

Гога понятиливо кивнул:

– Это хорошие новости. Теперь давай плохие. Семен помялся, произнес, глядя в пол:

– Грач умер. Преставился, значит.

Гога только кивнул, словно ожидал именно этого ответа. Семен потоптался: дескать, идти мне уже или как? Не выдержал, спросил хозяина:

– Чем это он его?

– Что? – не расслышал вопроса занятый своими мыслями Гога.

– Чем его Седой так приласкал? Ни на голове, ни на теле – ни единого повреждения.

У Гоги защемило сердце: он вспомнил безлично-стылый взгляд Седого, свой страх – да что там страх! – дикий, всепоглощающий, нечеловеческий ужас, и от одного этого воспоминания судорога снова ледяной искрой пробежала по рукам.

Не дождавшись ответа, Семен уже собрался было отойти прочь, но любопытство оказалось сильнее.

– Каратист? – спросил он.

– Хуже, – едва слышимым шепотом произнес хозяин, уставив невидящий взгляд в пустоту. – Дьявол.

* * *

– Третий вызывает Первого, прием.

– Первый слушает Третьего, прием.

– На наблюдаемом объекте осложнения. Уровень "С".

– Уточните.

– Внутренняя свара. Разборка. Возможно, двое раненых. Как поняли, прием?

– Вас понял. Уточните характер разборки. Огневой контакт?

– Нет. Рукопашная схватка между двумя людьми объекта-1. Теми, что приехали место посмотреть перед прибытием босса.

– Ну и что они не поделили? Лишнего выпили?

– Да нет, пили как раз не особенно.

– Что тогда?

– Один сильно борзый. Вроде как малохольный. Может, и контуженый, сейчас таких много бродит...

– Третий, докладывайте, а не философствуйте.

– Виноват. Я просто хотел, чтобы картинка была ясна. Да, в драку вмешался один из работников ресторана. Очень результативно врезал одному из этих...

Вырубил, короче.

– Он охранник? Боевик?

– Нет. Просто работник. И весь седой, хотя и не старый. Как поняли, Первый, прием?

– Понял вас. Продолжайте наблюдение. Ждите инструкций.

– Есть.

– Конец связи.

– Конец связи.

Глава 2

– Скука правит миром! Не власть, не деньги, не удовольствия! Всего лишь – банальная скука! И стремление от нее убежать, исчезнуть, скрыться! «Забиться, умереть, уснуть... Уснуть... И видеть сны...»¹ Что есть все наши развлечения?

Что есть вся наша жизнь? Всего лишь сон, кратковременный, мимолетный, навеянный серой обыденностью и тупой, непроницаемой, как грязная ватная одурь, скукой!

Лишь иногда острая тоска по уходящему чиркнет по монотонности дней горькой блестящей искрой, лишь иногда слезливая теплая грусть вспомнит о стелющихся над рекой летним вечером ивах, о первом трепетном поцелуе, о первой любви, о первом опьянении снами... Лишь иногда клубящаяся печаль выдуманной ностальгии напомним о берегах, где не был, – и вновь окаянное, черно-блеклое настоящее заштрихует всех нас серо-асфальтовой зеброй, по которой потомки и пойдут в возможное светлое завтра, за горизонт, оставив нам нашу скуку, и ничего кроме скуки! Так выпьем за Ее Величество Скуку, заставляющую нас петь, смеяться, любить и ненавидеть! Выпьем за скуку, заставляющую нас жить!

Маленький толстенький человечек, этакий миниатюрный постаревший сатир, с редкой бородкой, с блестящим черепом, обрамленным остатками волос на некогда кучерявой голове, единым духом осушил стаканчик, будто в полусне.

– «Мне скучно, бес...» – распевно продекламировал он и в полном опьянении завалился на сиденье лимузина.

– Складно изложил, Стасик! – похвалил произнесенную речь сидевший в кресле напротив почти двухметрового роста богатырь лет пятидесяти пяти, Сергей Петрович Батенков, владетельный князь и сиятельный барин здешних мест. – Вам нравится, малышки? – спросил он у сидевших рядышком девочек лет пятнадцати, наряженных в школьную форму середины семидесятых, в белых передниках и гольфах, с крупными белыми бантами в волосах.

– Я ничего не поняла. Папа, – произнесла тоном обиженной несправедливостью ученицы пухлогубая нимфетка. – Станислав Львович всегда такой путаный! – Она потрянула льняными волосами, поправила бант, спросила балованно:

– Папа, а можно мне капельку шампанского? Ка-а-апельку?

Слово «Папа» она произносила с ударением на последнем слоге. Сейчас, когда она сидела глядя Батенкову прямо в глаза влажными темно-кариими глазами, он чувствовал невероятное возбуждение...

– Можно? – переспросила девушка с легкой хрипотцой в голосе.

Сергей Петрович, не желая показать, как он взволнован, только кивнул. Он не спешил: предвкушение и игра доставляли ему наслаждение не меньшее, чем острая, искрометная близость. Блондинка привстала, потянулась в бар за открытой бутылкой, расчетливо наклонившись так, что платице сзади приподнялось...

Батенков подавил вздох. Эта Оля своими трюками умела доводить его почти до безумия! И только желание новизны заставило его смирить излишнее волнение; он взял за подбородок вторую девчонку, Катю. Черноволосая и синеглазая, она была очень хороша собой; девушка подняла глаза. В ее взгляде он прочел и стыдливость, и любопытство, и вождение... Карай не обманул – девчонка целомудренна. Сергей Петрович провел подушечками пальцев по ее щеке, поцеловал в губы, почувствовал ответный поцелуй, нежный и неуверенный... Чуть отстранился, заглянул в потемневшие Катины глаза; щеки девушки залил румянец. Катя тут же опустила взгляд, словно боясь, что мужчина прочтет в ее глазах то, что уже успело нарисовать ее юное воображение...

¹ Из монолога Гамлета. (Здесь и далее примеч. автора.)

– Ну вот! – надула губки Оля, обернувшись и со скорой ревностью отметив внимание Батенкова к подруге. Вздохнула совсем по-женски: дескать, мужики все такие, за ними не уследишь... Но особенно горевать не стала и тут же, с бокалом в руке, озорно запрыгнула Сергею Петровичу на колени., – Папа, я знаю, я все равно лучше всех, но если ты хочешь... – Дыхание ее сделалось прерывистым. – Хочешь, я подготовлю ее для тебя? Хочешь?.. – Она пошептала что-то мужчине на ухо, щекоча его шею завитками волос, и притом очаровательно покраснела. – Я же этого никогда не делала... – Добавила:

– Но пусть тогда она тоже, ага? Договорились? – Девчушка озорно обернулась к темно-волосой и показала ей язык.

Лимузин чуть замедлил ход, скрипнув рессорами на повороте, Станислав Львович скатился с сиденья на пол, проклюнулся, лупая спросонья заплывшими глазками и не понимая, что происходит; потом взгляд его пришел в норму, если постоянное состояние опьянения, близкого к обмороку, можно считать нормой...

Впрочем, Станислав Львович в этом состоянии даже не пребывал, он в нем жил; горячий мозг освобожденного от забот о собственном пропитании интеллектуала выдавал то жемчужины, то плевелы. Впрочем, босса забавляло все; Станислав Львович был при Батенкове как шут при феодальном бароне, как образованный раб при римском патриции, умный и безвольный, много говоривший о свободе, мечтающий о ней и никогда не согласившийся бы променять на нее свое сытое и пьяное рабство. Все это Сергей Петрович знал изначально: так называемая «творческая народная интеллигенция» времен развитого социализма была не способна ни к чему, кроме прислуживания и пустой говорильни; ну что ж, Станислав был не из худших, пусть отрабатывает свой щедро намазанный маслом кусок!

Словно уловив последнюю мысль хозяина, Станислав по-львиному потрянул лысой головой, что было забавно само по себе, устроился на полу, сложив пухлые ручки на груди, и устался Оле под юбку.

– Это заблуждение, мон генераль, что красота открывается только с высоты орлиного полета! Червь – вот истинный ценитель прекрасного! Ибо только он один знает, как быстро-течна, коротка и неприглядна жизнь, ибо только он один ведает, во что превращается красота и совершенство там, под сенью праха!

– Папа, он дурак! – капризно надула губки Ольга.

– Нет, малышка. Просто у него работа такая.

– Дурак! И говорит глупые и неприятные вещи!

– Устами младенца глаголет истина, – погрузнел Станислав, уселся на пол, свесил голову, вздохнул:

– Содержание перетекает в форму, форма – в содержание... Человек становится тем, чем желает казаться... Маска и лицо сливаются, и вот уже люди боятся сорвать маски с «друзей», чтобы не увидеть под веселыми забавными рожицами желтые кости черепа в лохмотьях мяса, пустые и темные глазницы...

– Папа! Пусть замолчит! Заткнется! – оборвала его монолог девочка. – Он страшный, неопрятный и противный!

– Отдохни, Стасик, – бросил Батенков. Шут с обиженным видом уселся в кресло и устался в окно.

Дорога пошла в гору, и с холма открылось море: темное, величественное, оно дышало ленивым сонным покоем, переливаясь под низким пасмурным небом аметистовым сиянием.

Небольшая кавалькада – два джипа и лимузин – миновала перевал и покатилась вниз, к стоявшему на высоком морском берегу ресторану-шале. В салоне лимузина пропищал зуммер мобильного телефона. Батенков поднес трубку к уху:

– Слушаю.

– Сергей Петрович, подъезжаем.

– Карай, я это и без тебя вижу.

– Я это к чему... Грач убит. Куркуль – в беспамятстве. Может быть, стоит подстраховаться и сначала выслать бригаду?

– Нет. Мы уже говорили об этом. У тебя все?

– Сергей Петрович, и все же я бы настаивал...

– Карай, ты песню слышал такую: «Капитан, капитан, никогда ты не станешь майором»?

– Извините?

– Нельзя ни на чем настоять, употребляя сослагательное наклонение.

– И все же в связи...

– А мне вот наплевать на сослагательные! – продолжал Сергей Петрович, словно не услышав возражений помощника. – Ты понял. Карай? Я здесь на своей земле и из-за мелкого несчастного случая пугаться от каждого куста не стану!

Уразумел?

– Точно так. – В трубке помолчали с полминуты – видно, получивший выволочку Карай собирался с духом. – Батя, и все же этого Седого нужно изолировать. От греха. Гога...

– Ну, говори, что Гога?

– Я просто хочу, чтобы вы поняли, Сергей Петрович... Для кавказского человека нужно большое мужество, чтобы...

– Карай, короче, а?

– Когда Гога мне звонил, он признался... вернее... он сказал о Седом просто: «Я его боюсь». И добавил: «У него глаза стылые. Как у мертвого».

Батенков ничего не ответил, обдумывая услышанное. Гога работал хозяином ресторанички-шале уже пятый год. И за это время выказал не только кулинарное мастерство и хозяйственную сметку, но и хладнокровие и твердость характера.

Четыре года назад, когда несколько диких обколотых отморозков, наваляв в городе трупов, приехали к Гоге и стали раскачивать права и «стучать пальцами», он просто-напросто зарубил двоих хозяйственным топориком, как говядину! А оставшихся спеленал по рукам-ногам и сдал подоспевшей Батиной бригаде, аки младенцев-сосунков! Так их и приняло море: места там, как в земле, на всех.

– Батя?

– Да здесь я.

– Вы понимаете, что для Гоги...

– Понимаю. Не требухти.

Седой объявился в этих краях с год назад, прошлой весной. Его подобрала, беспамятного, какая-то шхуна, прямо в море; рыбаки, не шибко печалуясь, сбросили найденыша на бережку, да и были таковы. Летом Седой прижился бомжем при пансионатах; жуткий свежий шрам на лице и обожженные руки только сначала вызвали любопытство, потом их перестали замечать, как не замечают люди, привыкая, ни красоты, ни уродства. Впрочем, ему самому раны должны были доставлять нешуточную боль, но то ли он переносил ее с безразличием стойка, то ли просто не чувствовал вовсе: с юродивыми так бывает.

Был он абсолютно безвредным, тихим и работающим; пахал, как экскаватор, ходил в обносках, ел, что дадут, и – молчал. Понимал Седой только простые, незамысловатые фразы, и любимым занятием его было смотреть на море. Он мог часами сидеть на высоком берегу и любоваться переживаниями волн: летом, осенью, зимой. У Гоги он прижился как раз с конца лета; молчаливый и двуличный работник был никому не в тягость, а убогость его ума стала такой же привычной, как и уродство лица. При недавнем своем заезде к Гоге Батя, будучи в хмельном расположении, даже пригласил юродивого за свой стол, попытался напоить, шутил...

Седой пил и ел аккуратно, слушал внимательно, но доходили ли редкие шутки Батенкова или витиеватые монологи Стасика до его сознания – неведомо.

Единственное, что отметил для себя Сергей Петрович, что за столом приبلудный бомж держался с естественным природным достоинством. А глаза... глаза его Сергей Петрович так и не рассмотрел. Мутные, с переменчивой потаенной голубизной... Как уставшее от летнего зноя небо.

– М-да... Понакрутил что-то Гога, – раздумчиво произнес Сергей Петрович. – Он не пил накануне?

– Да Гога никогда...

– Ладно. Знаю.

– Батя, а я все же думаю...

– Думать, Карай, не твоя работа. И не твоя привилегия. Я с этим пока справляюсь. Нет?

– Да я просто хотел...

– Хотеть можно телку.

– Извините, Сергей Петрович.

– Значит, так. Пусть все идет, как идет. Мы отдыхать едем, а не Седого закапывать. На месте присмотримся, оглядимся – и по обстоятельствам. Понял?

– Ага!

– И не мельтеши попусту.

– Батя, да я...

– Никшни! И слушай! Тревога, как и шизота, штука заразная. Гога разнервничался чегой-то, тебе свой страх передал.

– Да я...

– Молчи, я сказал! Знаю, пацан ты правильный и отважный, но и Гога не трус, так?

– Так.

– И испугал его не человек, не Седой, а его болезнь, необъяснимость его поведения и показавшиеся сверхчеловеческими возможности. Но суперменов в подлунном мире нет. Пуля, выпущенная из хорошего ствола с хорошей скоростью, любого супера превращает в кусокдохлого мяса. Ты понял, Карай?

– Я понял.

– А с психами и не такое бывает. Так что не нагнетай. Приедем, разберемся.

– Да.

– Так пацанам и передай. Этот Седой не вурдалак окаанный, не оборотень, мужик из костей и мяса. И если что, вы мне его нарубите в мелкую крошку, понял?

– Я понял. Батя.

Голос Карая стал куда увереннее и веселее. Батенков хмыкнул про себя удовлетворенно: так-то! Страх, рожденный прежде боя, сжигает не то что бригады бойцов, целые армии! Огню нужно только довершить работу страха. Именно в этой истине и источник победы, и кладезь силы, и причина поражений. Сергей Петрович поражений не любил: вот уже десять лет он жил в том мире, где поражение приравнялось к смерти и становилось ею! Нужно только побеждать! Всегда!

Глава 3

- Четвертый вызывает Первого, прием.
- Первый слушает Четвертого.
- Объект-1 миновал перевал, движется к объекту К. Бронированный «линкольн», две машины охраны. Как поняли, прием?
- Вас понял. Конец связи.
- Конец связи.
- Пятый вызывает Первого, прием.
- Первый слушает Пятого.
- Получен радиоперехват переговоров объекта-1 с начальником его охраны.
- Да. Самую суть.
- Начальника охраны обеспокоил несчастный случай: один из работников объекта К, слабоумный, убил его человека. Начальник охраны предлагал объекту-1 принять меры предосторожности; возможно, что имел намерение вообще отговорить объект-1 от рискованной поездки. Безрезультатно. Они в пути. До объекта К им добираться минут пять-семь.
- Понял, Пятый. Продолжайте наблюдение за эфиром.
- Есть.
- Конец связи.
- Конец связи.
- Первый вызывает Второго.
- Второй на связи.
- Прошу полную информацию по объекту-1.
- Объект-1 движется в бронированном лимузине. Внутри – водитель, охранник, две девки и шут.
- Кто?
- Шут, потешник, скоморох. Для нас; никакой опасности не представляет.
- Девицы?
- Малолетки.
- Дальше.
- Группа сопровождения из двух джипов. Всего – десять человек. Вооружены пистолетами и автоматами «АКСУ». Подготовка удовлетворительная. Итог: группа вооружена и экипирована, тринадцать человек вместе с объектом; как минимум – пятнадцать стволов автоматического оружия и два гранатомета.
- Объект-1 всегда выезжает с такой свитой?
- За город – всегда. В Приморске его обычно сопровождает один джип с четырьмя охранниками.
- Ваше мнение, Второй: боевики объекта готовы к кратковременной огневой схватке?
- С братками, подобными им, – вполне. Со спецгруппой – вряд ли. Все решит внезапность нападения, точность и массированность огня. Неожиданный огневой контакт приведет к выведению из строя живой силы противника и к полной деморализации оставшихся в живых.
- Нам не нужно живых.
- Вас понял, Первый.
- Ждите сигнал. Конец связи.
- Конец связи.
- Первый вызывает Третьего.
- Третий слушает Первого.
- Доложите полную информацию по объекту К.

– Объект К. Шестеро мужчин, три женщины. Один мужчина ранен и опасности не представляет. Один – слабоумный. Никто из присутствующих на объекте К, по имеющимся сведениям, специальной боевой подготовки не имеет. Оружие: два или три пистолета, карабин, ножи. Автоматического оружия наблюдением не выявлено.

– Особенности объекта К?

– Обособленность. С одной стороны, в двадцати-пятидесяти метрах от объекта К обрыв и море; с остальных трех сторон – открытое простреливаемое пространство, освещаемое при необходимости прожекторами. Как правило, при прибытии на объект К объекта-1 выставилось боевое охранение из трех человек. Имеется два подвала.

Никаких скрытых подземных коммуникаций, ведущих на побережье, самым тщательным наблюдением не выявлено.

– Вас понял. Третий. Конец связи.

– Конец связи.

– Первый вызывает группу «Экс».

– «Экс» – первый слушает.

– Приказываю: начать скрытное выдвижение к объекту К по варианту «Альфа-Экс». Доложить о трехминутной готовности. Начало атаки – по моей команде.

Как поняли, прием?

– Вас понял, Первый. Выдвижение по варианту «Альфа-Экс». Трехминутная готовность.

Ожидание приказа.

– Выполняйте.

– Есть.

– Первый вызывает Глостера.

– Глостер слушает Первого.

– Десятиминутная готовность по Акции.

– Вас понял. Выполняйте штатный вариант, – Есть...

– Вам что-то неясно, Первый?

– Да. Прошу уточнений. Вы упоминали, что рядом с объектом-1 наш агент. Вы дадите информацию к опознанию?

– Нет.

– В таком случае агент будет уничтожен вместе с остальными.

– Вы стали гуманистом, Первый?

– Гуманистом?..

– Его убрать не так-то просто.

– Он осведомлен об Акции?

– Вы задаете много вопросов. Первый.

– Виноват. Тогда...

– Что вы мямлите?

– Он будет убит. Без вариантов.

– Вы думаете, у него никаких шансов?

– Никаких. Единственный, призрачный, и то если связаться с ним сразу после начала Акции.

– Нет. Он сам с вами свяжется.

– Если останется жив.

– Разумеется. Его оперативный позывной – Киви.

– Киви?

– Ну да. Маленькая такая птица, чирикает себе не пойми чего, окружающего не понимает и, соответственно, ни о чем не страдает. Дитя природы. У вас все, Первый?

– Так точно, Глостер.

– Десятиминутную готовность принял. Приказываю начать Акцию по штатному варианту.

– Есть.

– Время пошло.

– Есть.

Глава 4

Всякая жизнь когда-нибудь кончается. И то, что остается от человека, и есть мерило его жизненной ценности. Сергей Петрович Батенков даже поморщился: глупость и банальность болтающихся в голове мыслей была столь очевидна, что, выскажи он их вслух, – даже собственный шут скроил бы такую мину, будто застал хозяина за малопочтенным или вовсе неприличным в обществе занятием. И все же, все же... Что можно вспомнить важного в этой жизни, кроме любви? Которая уходит, исчезает, гаснет, и не остается ничего, кроме ярости?

Сергей Петрович одним глотком выпил коньяк, откинулся на спинку стула.

Сидел, покачиваясь на двух ножках, прикрыв веки, желая расслабления, но его-то как раз и не наступало. Или хмель сегодня такой смурной? Самое противное, что не было и желания веселиться...

– Грусть вовсе не болезнь, – уловил настроение хозяина Стасик. – Она нужна нам для понимания истинной ценности жизни и ощущения ее скоротечности. Ибо без этого последнего ощущения познать ценность жизни невозможно, – меланхолично произнес он, ни к кому конкретно не обращаясь, но, невзирая на ту же банальность сказанного, Сергей Петрович был благодарен ему. Порой Бате даже казалось, что этот безвольный шут – единственный в его окружении человек, искренне ему сочувствующий.

Льющаяся из динамиков стереосистемы песня, исполняемая чуть хрипловатым баритоном, была немудреной; Сергей Петрович застыл, прикрыв глаза, ни о чем не думая и ничего не желая. На миг ему даже показалось, что жизнь его уже закончилась, иссякла, как кровь в перерезанных жилах, и звучащая мелодия осталась единственной нитью, интонацией, связывающей его с миром.

Разлили души по бокалам,
Как будто слезы по любимым,
Чтобы смягчило снегом талым
Тоску быть гордым и гонимым.
Чтобы истаявали свечи
На кипарисовой террасе,
Чтобы струился лаской вечер
И был изысканно прекрасен,
Как взгляд твой, ясный и счастливый,
Как голое ручейково-нежный,
Как шепот моря торопливый,
Как запах ветрено-подснежный...
Когда расцветивает ало
Земную зависть по вершинам —
Мы возвращаемся устало
К пурпурным мантиям и винам.
На кипарисовой террасе
Плащи теней свивают свечи.
В цветах сирени тает праздник,
Как смех – бессонен и беспечен!
И фиолетовым кристаллом
Мерцают грезы снегом мнимым...
Разлиты слезы по бокалам,
Как будто души – по любимым.

Чем он занимался всю жизнь? Зарабатывал деньги? Отстаивал свое место под солнцем? Наверное, и это тоже.. Но на самом деле он, Сергей Петрович Батенков, очень многим известный как Батя, словно Диоген с лампой, искал человека. Того, кому можно довериться, на кого можно положиться... Но не нашел. Может быть, в этом и есть смысл любой жизни? Найти человека, двух, трех, но таких, какие станут частью тебя самого, без которых жизнь немыслима и пуста... «Если радость на всех одна, на всех и беда одна...» Не сложилось. А потому он сам никому не нужен. Нужны его деньги, его бойцы, его хватка, его жестокость, его ум. Но не он сам. А потому – нет теперь никого рядом, «у самой кромки бортов», и прикрыть его, Батю, некому. Как сказал классик, каждый умирает в одиночку. А живет? Живет еще горше. Впрочем., люди похожи на айсберги, с малой ледяной горкой над поверхностью, с мерцающим непознанным сокровищем... Или на сложенные кострища, тлеющие едва-едва... Так и живут... Так и уходят, не оставив по себе никакой памяти. Ибо, чтобы остаться, нужно истаять, сгореть, перейти в новое качество.

Людям слишком жалко своего постылого настоящего, чтобы они могли перейти в вечность.

Сергей Петрович не заметил, что последнюю фразу произнес вслух.

– Жизнь – это болезнь, которая карается смертью. – невозможно отреагировал шут.

– Что-то ты сегодня слишком мрачен, Стасик. Лысый человечек только пожал плечами:

– Я всегда мрачен. И немудрено: спиртное в любых количествах полезно только в малых дозах. Я же дозы давно перестал ощущать. Алкоголизм – болезнь для меня неизлечимая, потому что не желаю видеть я этот говенный мир трезвым!

Так – хоть остается надежда на опохмелку. А что остается трезвеннику? Только повеситься.

– Послушай, Стасик, ты же умный мужик, тогда...

– Батя, к чему вопросы? Я безволен. Увы. Рядом с тобой мне достаются роскошные объедки. И не злись: ты предпочел бы сухую корку подачке, я – не из числа стоиков. Жизнь коротка и конечна, и я хочу прожить ее незначимо, но сладко. Тебе, Сережа, приятно топить свой страх смерти во власти, мне – в вине.

Каждому свое.

– Страх?

– Ну да. Лукавый построил сей мир на страхе, и не мне тебе говорить, что только это сильное чувство заставляет людишек шевелиться. И – подчиняться.

Великий страх смерти и множество мелких – бедности, нищеты, нездоровья, похмелья, никчемности, несостоятельности... Все эти хваленые американские психоаналитики тем и знамениты, что разбили один большой страх – небытия – на категории страхов мелких, кажущихся преодолимыми, к примеру стать карьерным неудачником или импотентом, и манипулируют людьми успешно и надежно. Не так?

– Ты мне надоел, Стасик, со своим страхом! Какой может быть страх, пока есть зачем жить? Даже если все полетит в тартарары, есть красивые девушки, цветы, солнце, море, песни, сочный шашлык и грохочущее из стволов пламя! Из моих стволов, понял, Стасик, из моих!

Внезапно Батенкову вспомнились слова хозяина заведения, сказанные им о Седом: «У него глаза стылые. Как у мертвого».

Может быть, в этом причина неясной тоски, которая томит его сегодня и не дает забыть обо всех разборках, денежных делах, купленных политиках, выборах, налогах, кознях противников, забыть обо всем, о чем он желал забыть, в компании незлого шута и двух очаровательных девчонок?! Он исподволь взглянул на Седого, безучастно сидевшего за столиком для обслуги и потягивающего чай из толстостенной кружки. Батя сам велел пригласить его в зал: пусть будет на виду.

К дьяволу беспокойство! Он приехал сюда отдыхать, и он будет отдыхать!

Грохочущее из его стволов пламя действительно превратит в ничто любого! Батенков долил себе водки в бокал, с удовольствием выпил, захрустел терпким моченым яблоком. Боевики-охранники, что сидели за шестиместным столом чуть поодаль, тоже повеселели: смурной вид шефа их тяготил, как тяготит здорового человека вид рахитичного недоноски. Чего Бате убожиться? Все, что душа пожелает: водка – рекой, девки – табунами, пальцы – веером! Живи, пока живой, несись душа в рай!

Веселость накатила на Батенкова так же внезапно, как намедни – тоска. Он отмахнул рукой трюм музыкантам – и саксофонист дунул тонко и проникновенно какой-то курортный блюз из нездешней жизни, вертлявый человечек за фортепиано мелким бесом рассыпался по черно-белым клавишам, вторя мелодии, ударник зашуршал металлической кисточкой по барабанам. Батя подхватил было Олю, но она вырвалась, легко запрыгнула на стол, одним движением, запустив руки под платье, сдернула трусики до щиколоток, вышагнула из них и начала перебирать ножками, играя подолом платья, подразнивая мужчин и кокетничая со всеми: и с охранниками, и с обслугой, и с собой. Но Батя знал: она танцует для него, только для него, и ее бесстыдное кокетство доводило его до умопомрачения!

Батя облизал разом спекшиеся губы: эта девчонка способна творить с ним черт-те что! Он мельком глянул на замершую рядом Катю: та неотрывно смотрела на подругу, а он, запустив ей руку под платье, почувствовал влагу... Девушка не шелохнулась, залившись краской стыда... Батенков совершенно расслабился, наслаждаясь созерцанием одной красотки и лаская другую... Сегодня его ждет особенное, ни с чем не сравнимое наслаждение...

Не торопясь, он снова налил себе водки, выпил. Почувствовал взгляд Стасика: в такие минуты шут смотрел на него как безродный кобель-дворяжка, у которого королевский сенбернар уводил из-под носа двух породистых сучек... Вот и вся философия: роскошные объедки со стола достаются слугам только по прихоти хозяина! Такие изысканные и озорные девчонки не для Стасика: пусть довольствуется отбросами общепита!

Взгляд Батенкова стал жестким и властным.

– Пошли! – коротко бросил он Оле, встал и подтолкнул вперед, к деревянной лестнице, Катю. Девочки послушно поднимались по ступеням, а Батенков следовал за ними, чувствуя за своей спиной несколько пар завистливых глаз... Как эти кобели хотели его девчонок! Пусть смотрят! Пусть глотают слюну, на то они и шавки. А каждая шавка должна знать свое место. Это были его девочки. Только его.

Но Батенков ошибался. Не все взгляды провожали его завистливым вождением. Стасик смотрел так, как смотрит незадачливый прыщавый подросток на своего ненавистного кумира, как шакал, готовый броситься на льва сзади при первой его неудаче и – терзать, грызть, разрывать на части, захлебываясь мстительной трусливой яростью и чужой кровью... Если и была в его взгляде зависть, то лишь извечная зависть раба, готового запродать душу, чтобы самому жестоко насладиться властью хотя бы день, час, мгновение. Готового запродать душу... но не жизнь.

Ну а Седой... Его глаза с расширенными зрачками были холодны, пусты и беспристрастны, как жерла пистолетных стволов.

– «Экс» – первый вызывает Первого – Первый слушает.

– Трехминутная готовность. Боевого охранения не выявлено. Мы на расстоянии броска.

– Вас понял. Дополнительная вводная: человеку, который появится на вашей волне с позывным Киви...

– Как?

– Киви. Птичка такая. Неразумная.

– Я понял. Киви. Я просто не расслышал сначала.

– Так вот: человеку этому сохраните жизнь.

- А если...
- Не заморочивайтесь. Я же уже сказал. На нет – и суда нет.
- Вас понял. Первый.
- У меня все. Выполняйте штатный вариант.
- Есть.

Глава 5

– "Все, что есть только лучшего «а свете, все достается или камер-юнкерам, или генералам», – меланхолично процитировал Гоголя шут, выпил почти доверху налитый водкой фужер и остался за хозяйским столом коротать вечер в компании бутылок с цветными этикетками. Сидел он, дряблый и обрюзгший, никому не нужный и никем не жалеемый на всей этой круглой земле. Казалось, еще минута, и он оплывет по стулу мутным вязким киселем... И только очень внимательный взгляд различил бы напряженные мышцы спины... Что тревожило, что беспокоило его? Униженность положения или все та же зависть?

Братки такими вопросами не задавались. Как только дверь за боссом закрылась, охранники расслабились. Защелкали откупориваемые банки пива, кто-то велел музыкантам сыграть погромче да повеселее... Ребятки привыкли к вольготной жизни на своей территории; вот уже два года благодаря проницательности и предусмотрительности Батенкова на этом райском побережье не происходило никаких громких разборок; впрочем, братва легкомысленно относилась это не на счет ума вожака, а на свой: силу уважает всякий. Если они сперва и насторожились в связи с происшедшим в последние полтора месяца усилением охраны, то отнеслись к этому скорее как к чудачеству Бати. Впрочем, сидя вот так за пивком, братки любили побазлать за жизнь, перемыть кости всяким столичным авторитетам, какие, бывало, наезжали сюда на отдых по летней поре. Все сходились на одном: может, там, в тех столицах, дела и круче, а от добра добра не ищут. Лучше пить пивко и кувыркаться с ляльками, чем кататься на разборки и прочие увеселительные мероприятия или получать по почкам от отмороженных омовцев. Батенков, он ушлый: и ментовские, и городские чины у него прикуплены, а какие не прикуплены, с теми тоже вась-вась. Живи и радуйся.

– Хороша лялька у Бати, – вздохнул один.

– Олька?

– Ну.

– Хороша Маша, да не ваша.

Собеседник только скривил мину: дескать, такого добра... Добавил:

– А вторая – дура.

– Много ты понимаешь, Гундосый, в ляльках! Вторая просто целка еще, щас Батя ее распечатает, деваха будет через годик – вспотеешь! – Парень прочувствованно слотнул. – Девкам, им только начать, потом не остановишь...

– Знаток!

– А то...

Братки откровенно скучали. Единственное, что их утешало, – служба службой, а она, как известно, не сахар, но и оттяг свой они получают по полной программе: к Клавке Новиковой, которую в славном городе Южногорске все равнодушные к бабцам самцы знали как Матильду, подвалили из центра России на сезонный заработок свежие телочки, одна другой краше, самое то, и послезавтра у них – первый субботник. Ну а сегодня... сегодня можно и поскучать. Но скучать не хотелось.

– Эй, заткни свою дудку, притомил! – крикнул саксофонисту вертлявый и дерганый пацанчик по кличке Гефа. – И поставь кассету, что-нибудь путное.

– Да у них ни «Стрелок», ни Васи Воротникова. Старье одно.

– Пусть старье! Вой этот уже душу вымотал!

Саксофонист отложил инструмент, пожал плечами, подошел к стереосистеме, воткнул первый попавшийся диск, включил воспроизведение.

Гаснет в зале свет, и снова Я смотрю на сцену отрешенно...

– Козел! Мы че, деды – старушку слушать?

– Заткнись, Гефа! Пусть играет! – оборвал его Карай. Гефа заткнулся, как велели, ухмыльнулся было: дескать, пока вас, старичье сорокалетнее, слушаем, да не долго вам пановать: спишем вскорости к едрене фене! Но, встретив встык взгляд главного, разом уткнулся глазами в стол, забегал по нему зрачками, как таракан по скатерти. Неизвестно, как бы отреагировал Карай на наглость зарвавшегося бодигарда, но тут длинный сухощавый парниша, скосив взгляд на столик в углу, за которым в отрешенном одиночестве коротал вечер Седой, спросил:

– Это вон тот, что ли, Грача мочканул?

Чернявый Карай скривился:

– Он самый. – Неприязнь в голосе начальника Батиной охраны скрежетнула, как жестью по стеклу.

– Так чего он по эту пору не в ямке червей кормит, а за столом рассиживается? – с вызовом продолжил длинный.

– Брось, Удав... Батя трогать не велел, – с сожалением проскрипел Карай.

– А мы трогать и не будем, – повеселел длинный. – А познакомиться, за жизнь погутарить право имеем? – Не дожидаясь ответа Карая, процедил сам себе сквозь зубы:

– Имеем. А ежели какая оплошка выйдет, так я себя прибить, как Грач, не дам. Придушу эту падаль по-тихому, а, Карай? Это Грач – птаха весеняя, а я – гада ползучая. – Парень обнажил в ухмылке длинные желтые зубы и вразвалочку пошел к столу Седого.

Довольный таким развитием дела, Карай только бросил напоследок, для будущей отмазки перед Батей:

– Ты только это. Удав, не гони...

Удавом парня прозвали еще лет десять назад. А все потому, что парнишка, насмотревшись в комсомольском видеосалоне всяких шаолиней и якудз, обратился к продвинутым столличным наркошам, наезжавшим на юг за полудармовой травкой, и за комок грязного «пластилина» изукрасили они ему тощий в те поры торс сложной цветной татуировкой: чешуйчатое тело неведомого доисторического гада кольцами обвивалось вокруг, а на груди жуткая рожа со стылыми глазками скалила гнусную пасть. Парня задразнили было, да за одно лето он взял и вымахал под метр девяносто. И руки у него оформились: длинные, как литые, и владеть ими он научился, будто тисками: ухватит – не упустит. Шею кому свернуть по-тихому – как два пальца обмочить. И ведь сворачивал.

Сейчас он шел к столу Седого медленно, тяжело, заводя сам себя до той хорошо известной ему степени тихой ярости, когда так легко и так приятно ломать хребты всяким недоноскам.

Братки наблюдали за приятелем с растущим куражом: что-что, а кураж веселит пьянее вина. Близкая, непосредственная власть над другим, над его страхом, над его жизнью, над его душой кружит голову неверным мерцающим туманом всемогущества...

Вы так высоко парите, Здесь, внизу, меня не замечая... – ревели динамики.

Удав тяжело опустился на стул прямо перед Седым.

– Здорово, убогий.

Седой поднял взгляд, и Удаву поневоле стало не по себе: не было в глазах этого странника ни страха, ни удивления. В них ничего не было. И это казалось куда страшнее любой бездны. Удав опешил, растерялся, он вдруг разом потерял раж и решимость, а вместо хмельного волнения, ощутил в душе холодную, безличную пустоту. Противно заурчало под ложечкой; внезапный смертельный страх ледяной волной облил все его существо; парню даже показалось, что волосы зашевелились у него на затылке... Он попытался заглушить страх гневом, но, вместо горячей упругой волны, со дна изметавшейся души поднималось что-то суетливо-заискивающее... А Седой продолжал сидеть недвижно и взирать на пария пустыми зрачками.

Вы хотя бы раз, всего лишь раз На миг забудьте об оркестре, Я в восьмом ряду, в восьмом ряду, Меня узнайте, мой маэстро...

Седой вздрогнул. В глазах словно пробежала искра; теперь он смотрел на Удава так, будто очнулся от тяжкого забытья, от безумия, будто впервые увидел сидевшего напротив парня въяве, не смешивая, не путая с бредовыми видениями, с призраками, до той поры населявшими его усталую память.

А у Удава отлегло от сердца. Перед ним был живой человек, из мяса и костей, и в его воле сломать ему хребет – одним движением, с хрустом! Осознание, что его силе невозможно противиться, подняло долгожданную волну гневливого куража, а тот перепуганный бесенок, что суетился и боязливо скрежетал коготками, словно узрев перед собой настоящего зверя, теперь затих, затаился, как умер.

Удав передохнул вполвздоха, дважды сжал и разжал побелевшую, сведенную судорогой кисть руки... Сейчас он смотрел на соперника в упор, тем тягостным взглядом, какой приводил в предсмертный трепет даже конченных отморозков. И – встретил полностью отсутствующий взгляд Седого. Тот словно прислушивался к чему-то в себе...

Такое пренебрежение большее плети хлестнуло по самолюбию парня; одним движением он отбросил стол в сторону, вскочил и ринулся на противника. Седой шагом приблизился вплотную, прильнул к нападавшему, словно клещами сцепил локтями его туловище и повернул спиной к двери.

Глава 6

Крупное тело парня задергалось: на спине его задымились разрывы, пули, кувыркаясь, вгрызались в плоть, вырывая куски живой ткани. Пущенная из бесшумного корот-коствольного «скорпиона» очередь казалась бесконечной.." Двое в черном, выросшие в проеме двери, как призраки, поливали все пространство перед собой плотным огнем. На балюстраде оказалось еще четверо; еще двое – у дверей на кухню.

Братки вскакивали, переворачивая стулья, и тут же падали, не успев выхватить оружие: пули летели отовсюду, и сидящие плотной кучей охранники оказались их легкой добычей. Выстрелы щепили дерево столов, вгрызались в глиняные под штукатуркой стены, но большинство увязало в телах боевиков.

Молчаливые люди в масках деловито сновали по залу и комнатам; выстрелы звучали пробочными выхлопами; гораздо больше шума производили лязгающие затворы автоматов и звон выбрасываемых гильз.

Через сорок секунд все было кончено: братков положили всех; никто не успел сделать ни единого выстрела. Стасик лежал под одиноким столом в луже крови. На Седого, неловко скрючившегося под громадным телом Удава, тоже особого внимания не обратили: живые так не лежат. Стереосистема продолжала выдавать слова старого шлягера:

...Вновь игру свою начните, И, я верю, чудо повторится...

Люди в черном один за другим подходили к старшему, впрочем ничем не отличавшемуся от бойцов, коротко докладывали:

- На кухне чисто. Четверо.
- Во дворе чисто. Трое.
- Чисто. Одиннадцать. Контрольные?
- Да. Только грамотно: под разборку. Объект?
- В комнате.
- Один?
- Нет. С двумя девками.
- Красиво жить не запретишь.
- Уйти ему некуда: окна мы контролируем. Что-то тихо у него.
- Занят. И здесь музон грохочет. Тепленьким возьмем.
- А вот тепленьким совсем не обязательно.
- Дверь заперта изнутри. Проложена стальным листом, – доложил один из бойцов.
- Бережется раб Божий.
- Нужно запальничком снимать.
- Нужно – снимай, – Шуму будет.
- Тишина уже не обязательна. Как только, дверь снимем – пару гранат, для верности. А потом – огнем прополоскать. Дочиста.
- Есть.
- На рубеж!
- Есть.

Бойцы застыли, ожидая, когда сработает куммулятивный заряд. И удар и взрыв были совсем негромкими; сорванная с замка дверь начала медленно раскрываться наружу... Трое уже сдернули кольца с лимонок, готовясь закатить их в комнату...

Шквал огня, сопровождаемый диким грохотом, вырвался из комнаты, распахнул дверь, покорежил, сорвал с петель, смел все живое и неживое с площадки. Двое бойцов, буквально перерубленные очередью пополам, тяжелыми кулями были сброшены вниз. Тяжелые пулеметные пули еще крушили перила лестницы, когда разорвались две гранаты, выпущенные из рук

убитыми, и в грохоте взрывов сотни осколков с визгом разлетелись в замкнутом пространстве, поражая все вокруг. Секунду спустя гроыхнула третья.

А пулеметная очередь не прекращалась. Батенков появился на площадке перед дверью, сжимая обеими руками крупнокалиберный пулемет. Одним взглядом он оценил обстановку, двинул стволом вдоль коридора и снова нажал спуск. Тяжкие, почти пятидесятиграммовые пули разметали на пути все, крушили дерево, рушили стены.

Ничего живого после такого огня остаться в комнате не могло, но Батя продолжал судорожно водить изрыгающим пламя стволом.

Один из бойцов, укрытый под сводом в «мертвом» пространстве, высунулся на мгновение, вскинул пистолет и сделал единственный выстрел. Голова Батенкова дернулась, пулемет поперхнулся, выпал из рук и с грохотом ударился о настил пола. Зал, после вспышек выстрелов погруженный почти в полную темноту, заполненный пороховой гарью, разбитый, разрушенный, выглядел, как потревоженная варварами гробница из фильма ужасов. Из бойцов, находившихся в зале, в живых осталось двое. Оба, оглушенные, еще не отошедшие от шока, сняв маски, тихо обозревали окружающее.

– Ты его снял? – наконец выдавил первый.

– Ну.

– «Экс» – первый?

– Убит. Он и еще семеро.

– Ну и ну.

– Бывает. Расслабились раньше времени, вот и...

– Было принято неверное решение.

– Да брось. Корнет. Полеты за нас разберут. Будет кому.

Из кухни вышли еще трое. Огляделись:

– Круто.

– Грязная Операция.

– Куда грязнее. Сколько у нас на улице?

– Четверо.

– Вызывай сюда. Быстренько зачистимся – и ноги.

– По инструкции...

– Да пошла она, эта инструкция! По каким инструкциям у этого Шварца такой ствол оказался в комнате, а?

– Жить захочешь – и миномет заныкаешь.

– Разговоры! Вызывай всех!

– Есть.

Человек сказал что-то в переговорное устройство, и снова воцарилась тишина. Через минуту четверо опасливо, страхуя друг друга автоматами, вошли в комнату.

– Ну, чего уставились? Мораль: стоит одного отморозка не утихомирить вовремя маленькой пулькой, он возьмет заныканную под раскладушкой гаубицу и начнет крошить все, что ни попадя! Усекли? – Принявший на себя командование помолчал, продолжил:

– Давайте-ка уже без сюрпризов! Зачистить все! Стволами вперед! Пошли!

Он едва договорил эти слова – и застыл. Лицо его приняло выражение крайнего удивления... Дырочка с красно-черным окаемом, казалось, появилась на лбу сама собой; выстрел грохнул позже. Вернее, это был не один выстрел: они загрохотали почти непрерывно, но, в отличие от сметающего все на пути слепого пулеметного огня, каждый был прицельным.

Седой мужчина стоял под второй лестницей в полный рост, в обеих руках было зажато по пистолету, и каждый ствол выплевывал оранжевые всполохи пламени.

Человек владел оружием блестяще: он видел все поле схватки разом, и его пули настигали тех из бойцов, кто мог хоть куда-то скрыться или произвести ответный выстрел за доли секунды до того, когда это действительно могло бы произойти.

Через три-четыре секунды Седой метнулся в укрытие: трое бойцов успели уйти с линии огня и затаиться. Автоматные пули зацокали по перевернутому столу; аккуратно, страхуя друг друга, бойцы двинулись вперед, чтобы уничтожить и без того чудом оставшегося в живых противника. Угол, перевернутый стол. Он в капкане, укрыться ему негде. Они были готовы ответить огнем, если хоть что-то шевельнется.

Три пистолетных выстрела слились в один. Все трое боевиков, получив в затылок по пуле, кувыркнулись вперед, словно сбитые ловкой рукой кегли. Седой стоял позади, на балюстраде: за какое-то неуловимое мгновение перед тем, как перевернуть стол, он сумел бесшумно, кошкой, запрыгнуть туда, подтянуться на руках и так же бесшумно проползти несколько метров по разбитому вдреизг деревянному настилу. Это могло показаться и чудом, да вот оценить исключительное мастерство, искусство этого человека было некому: живых в зале не осталось.

Седой опустил пистолеты, выщелкнул обоймы, заменил полными. В глазах его плясали отблески странного чувства: словно это был не вполне проснувшийся человек, так и не осознавший до конца, сон перед ним или явь. Он недоуменно оглядывал зал, вроде бывший знакомым ему, в то же время прислушиваясь к чему-то внутри себя. Потом, словно лунатик, спустился вниз, подошел к раздолбленной стереосистеме и вынул остановившийся диск. Он оказался целым. Вернулся на балюстраду, застыл у исковерканной двери, прислушиваясь, достал пистолет и быстро шагнул в растворенный проем.

На постели, забившись в угол, сидели две перепуганные девчонки. Седой подошел, рывком сбросил одеяло, осмотрел ложе: оружия не было. На девичью наготу не обратил никакого внимания. Осмотрел комнату, подошел к большому настенному шкафу, открыл. Внутри оказалось что-то вроде выставки оружия: пистолеты, винтовки, ручные пулеметы, снайперские прицелы. Отдельно, внизу, в ящике, в полном порядке маслянисто блестели снаряженные обоймы патронов и пулеметные ленты. Неожиданно обернулся, встретил взгляд Оли, сделавшей попытку сорваться с постели и сбежать. Девушка тут же снова забилась в угол, прикрывшись одеялом.

– Это – твое? – спросил он девочку:

Та энергично замотала головой.

– Чье?

Обе девочки перепуганно молчали.

– Чье? – повторил Седой монотонно и настойчиво, и эта монотонность пугала хуже окрика.

– Бати.

– Отца?

– Нет. Любовника.

– Где он?

– Мертвый. У порога;

Седой только кивнул.

– Что там? – не удержавшись, спросила девушка. – В зале?

– Ничего. Трупы.

Седой, более не обращая на девчонок никакого внимания, подошел к стереосистеме, сунул диск, нажал на кнопку на пульте. Листал альбом, пока не зазвучали первые аккорды песни, слова...

Меня узнайте, мой маэстро...

Пусть мы далеки, как «да» и «нет», И рампы свет нас разлучает...

Мужчина поискал глазами, увидел большое зеркало в стенном шкафу, подошел, долго, пристально вглядывался в свое отображение. Выдохнул, закрыл лицо руками и стоял так с минуту. Потом вернулся к оружейной горке, быстро и споро набил найденную здесь же объемную спортивную сумку самым разнообразным оружием, набросил оставленную Батенковым куртку – и направился к двери. У самого выхода неожиданно обернулся, уставился немигающим взглядом на Ольгу, и она снова замерла у стены.

– Тебе нельзя баловаться с оружием. – Помолчал, добавил:

– Оно убивает.

Он уже направился было прочь, когда услышал ее вопрос:

– Кто вы?

Мужчина снова обернулся. Глаза его потемнели, как от нестерпимой боли; на миг их словно занавесила стылая смертная тень... Но через мгновение он уже справился с собой, произнес, едва разлепив губы то ли в усмешке, то ли в гримасе потаенной боли:

– Маэстро.

Глава 7

Через несколько минут Ольга услышала звук мотора отъезжающей машины.

Какое-то время продолжала сидеть в полном оцепенении, потом встала, быстро подошла к оружейному шкафу, одним движением схватила дробовик-булпап, открыла ящик с патронами, передернула затвор и быстро, умело стала всаживать в магазин патрон за патроном. Потом с оружием наперевес выглянула из двери... Горло разом перехватило острым запахом пороховой гари. Первое, что она увидела, – это разбитая пулей голова Батенкова, лежавшего навзничь в луже крови и еще чего-то вязкого и липкого. Живот дернуло куда-то внутрь, и девушку вывернуло разом.

Откашлявшись, она ринулась назад, в комнату. Услышала из угла какое-то всхлипывание, обернулась: Катя сидела, забившись в самый угол комнаты, прикрывшись каким-то половичком, и смотрела на Ольгу, как на сумасшедшую.

На секунду Ольга замерла, потом встряхнула головой, словно пытаясь избавиться от навязждения... А песня, которую поставил Маэстро, продолжала звучать:

Вновь игру свою начните,
И, я верю, чудо повторится.
Если б знали вы, учитель,
Как вам верит ваша ученица...

Внезапно Оля увидела большое зеркало, в которое несколько минут назад смотрелся седой мужчина, и свое собственное отражение в нем: раздетая доната, насмерть перепуганная девчонка, с каким-то несуразным бантом в волосах, в белых школьных гольфах – и с огромным дробовиком в руке! Сдавленное «ух!» вырвалось у нее. Она как-то разом обмякла, села прямо на пол – и зарыдала, завывала в голос.

Сколько она так просидела, девушка не знала. Истерика закончилась так же внезапно, как и началась. Оля обнаружила себя лежащей в том же углу, в обнимку с Катей, и обе они оказались закутаны с головой половичком, словно хотели сбежать, скрыться из этого страшного мира; чтобы пришел кто-то сильный и в одно мгновение перенес их обеих туда, где много яркого солнца, где зелень пальм, голубизна бассейнов, где люди расслабленно-ленивы, богаты, ухожены и добры, как кастрированные псы. Оля знала такое место: Санта-Барбара.

Разозлившись на себя сверх всякой меры, она одним движением вскочила на ноги, выдрала из волос дурацкий бант, подошла к шкафу, распахнула, вытащила обтрепанные вельветовые джинсы, надела прямо на голое тело, порылась, нашла еще одни, хлопковые, бросила товарке, прикрикнула зло:

– Ну что расселась, как клуша! Одевайся! Рвать когти надо!

– Что?

– Сматываться, поняла! Бежать!

– Бежать? Куда?

– Тебе – к папе с мамой, целка недоделанная, вот куда! Хлебнула блатной романтики по самое не хочу, и вали!

– А ты?

– А я – куда глаза глядят. – Ольга зло глянула на Катю, прикрикнула хлестко:

– Ну!

Девчонку словно кнутом протянули вдоль спины: вскочила, путаясь, натянула трусики, потом штаны, влезла в брошенную ковбойку.

– А все – впору, – растерянно произнесла она.

– Дура, – незлобно ругнулась Ольга. – Вещи-то мои. А Папа толстых не любил.

Сама она уже оделась. Поискала глазами, наклонилась, подобрала миниатюрный никелированный «смит-и-вессон», проверила барабан, засунула револьвер за пояс.

– Зачем это? – пролепетала побледневшая Катя.

– Застрелиться! – огрызнулась Ольга, гибко наклонилась, подхватила с пола дробовик, клацнула затвором, взяла оружие наперевес и сторожко, словно босиком пробиралась по битому стеклу, двинулась прочь из комнаты.

– Держись за мной, поняла? – велела она девушке. – Только не ори, ладно?

Захочется блевать – рыгай сразу, не бегай по углам.

– Чего? – переспросила было Катя и в ту же секунду, увидев развороченный взрывом труп одного из нападавших, поперхнулась, согнулась пополам, рухнула на колени.

– Ну ты, не очень-то... Пора!

Катя только кивнула, встала на ноги и, держась за руку подруги, побрела за ней слепо, стараясь больше не глядеть ни на что.

Кое-как они вышли во двор. Ночь была прохладной, с моря дул крепчающий бриз, предвещавший непогоду и шторм.

– И что дальше? – одними губами спросила Катя.

– Машин навалом. Сядем и отвалим. Оля пошла было к одному из джипов и тут же села на землю, словно силы разом оставили ее.

– Ты что? – наклонилась теперь над ней Катя.

– Ничего, – ответила Ольга, глядя прямо перед собой невидящим взглядом.

– Не сиди. Сама же сказала... Нужно уходить отсюда.

– Куда?

– Ну, найдем куда! Ко мне поедem. Мать уже накушалась в лоскуты, бабка у меня парализованная, никто ничего... До завтра перебедем, а там – видно будет.

Оля тряхнула головой, словно приходя в себя, глянула на Катю, скривилась:

– Картина битвы мне ясна. Девочка из, неблагополучной семьи. За этой, как ее... за чертой бедности, И девочке захотелось колготки эластик, шубку и золотое кольцо. В нос.

– Ну и захотелось! Что, всю жизнь так и прожить – среди бабкиной вони и материнного пьяного гундежа?!

– Зато теперь хлебнула большого человеческого счастья. Аж наизнанку вывернуло. Катя вздохнула.

– Ладно, подруга, не бери в голову. Я не в осуждение. При тонком кошельке всем хочется толстого счастья. Тебе повезло. Ты еще не вляпалась. Тебе есть куда вернуться. Мне – некуда. – Оля вздохнула.

– Как это – некуда?

– Вот так. Увязла я во всем...

– В чем это?

– Не важно.

– Что ты несешь? Сейчас мы...

– Заткнись! Прав был тот сумасшедший, как его...

– Маэстро.

– Ну, Маэстро. Баловаться с оружием нельзя. Оно убивает.

– Олька, ты не в себе...

– Еще как в себе. Уби-ва-ет. Или ты, иди тебя. Третьего нет. – Она замолчала, глядя в одну точку, приказала зло:

– Вали отсюда. Живо.

– Как...

– Ножками. По бережку. А лучше – пересиди где-нибудь в рыбацкой лодчонке.

Не замерзнешь. А с утра – до дому, до хаты. Разные у нас с тобой тропки. Давно разные. А что здесь была, забудь. Совсем забудь.

– Ты говорила – на машине.

– Дорога здесь одна. Перехватят.

– Кто?

– Конь в пальто и два жирафа. – Помолчала, подошла к автомобилю, отомкнула дверцу. Взяла с сиденья пачку сигарет, из бардачка – зажигалку и початую фляжку бренди. Открутила крышку, хлебнула прямо из горлышка, закурила. – Будешь?

Катя отрицательно замотала головой.

– Вольному – воля, спасенному... Беги. Спасайся. Потом будет поздно.

– Оля, ты правда не можешь? Или – нарочно меня отсылаешь, чтобы самой...

– Сколько тебе лет, дите?

– Тринадцать.

– А выглядишь старше.

– А сама-то ты...

– Все. Прекратили пререкания! Бегом! Рысью!

– Я не...

Ольга одним движением вскинула дробовик – выстрел треснул в ветреной ночи, как сухая жердина. Картечь с воем пронеслась над головой девушки, Катя вздрогнула, скукожилась, как воробушек...

Одним движением Ольга передернула затвор:

– Беги!

Катино лицо побелело как мел. На секунду она замерла, будто держа равновесие на краю пропасти, и стремглав понеслась туда, к обрыву, в спасительную темноту. Ольга посмотрела ей вслед, обессиленно опустила на порожек джипа, подобрала выпавшую сигарету, сделала из фляжки длинный глоток, затянулась несколько раз, не вынимая сигареты изо рта... Произнесла тихо, словно про себя:

– Беги, девка, пока есть куда.

Посмотрела в степь, на дорогу. Росчерков фар в ночном небе видно не было, но это ни о чем не говорило: они могли появиться отовсюду. Нужно объявляться, немедленно, не то шансов прожить ближайшие полчаса у нее не останется никаких.

Прислушалась: ну да, со стороны моря отчетливо слышался вертолетный гул. Ольга встала, подошла к лимузину, в котором ехала сюда с шутком Стасиком и Батей, открыла дверцу, выудила с заднего сиденья сумочку, достала из нее то, что выглядело как плеер, включила, нажала едва заметный тумблер, надела наушники, покрутила колесико настройки, нашла нужную частоту, произнесла в горошечный микрофон, замаскированный под гнездо постоянного тока:

– Я – Киви, я – Киви, вызываю того, кто меня слышит.

– Первый слушает Киви. Что там происходит?

– Уже ничего.

– Не понял тебя, Киви. Повтори. «Уши мыть надо, коз-з-зел!» – со злостью пронеслось в голове девушки, но вслух она произнесла:

– Ваша группа уничтожена. Полностью. На какое-то время в эфире воцарилась тишина, потом голос спросил:

– Кем? Людьми объекта?

– Частично самим Ба...

– Не сори в эфире! – грубо оборвал ее голос.

– Частично самим объектом-1, частично – каким-то психом.

– Психом?

- Ну да.
- Что за псих?
- А я почему знаю? Седой. Жилистый. Странный. Сначала Ба... объект помесил ваших из пулемета, потом – этот.
- Он из людей объекта?
- Да нет, говорю же! Ваши всех братков положили враз. Объект в это время со мной и с... с одной шмарой занимался любовной игрой в комнатухе. Нужно сказать, очень изобретательно занимался...
- Киви! Докладывай конкретно!
- Ваши люди действовали тихо, но Ба... но объект услышал. Вернее – почуял. Открыл шкаф, а у него там оружия – горы, вытащил такую «шайбу», что...
- Какую шайбу?
- Пулемет. Крупнокалиберный. Ваши люди уже с его пацанами разобрались, сгрудились у двери, рванули. Ну он их и встретил.
- Откуда у него там такое оружие?
- От верблюда. Я что, Цезарь, все знать?
- Почему не вышла на связь с группой и не предупредила?
- Да? Сказать... объекту: «Папа, у меня тут сеанс связи космической с теми, кто за дверью... Пока они нас гранатами не закидали, предупредить, бы надо что ты парнища резкий, можешь и зашибить кого, дабы поостереглись». Так? А самой, как пионерке-героинке, принять мученическую смерть? За идею? Тогда скажи за какую, Первый?
- Киви...
- Нет, ты погоди! Ты же хже списал меня, как Батю, да?
- Киви!
- Плевать я хотела на всю вашу долбаную конспирацию! Так вот слушай: у Бати в мизинце мужества было больше, чем у всей вашей своры! Понял?! Да, одного вы завалили, но есть еще, они вас скрутят, козлов, разметут по кочкам и пням!
- Дура!
- Сам козел! – огрызнулась девушка. – Иди посмотри на своих: куски паленого мяса! Твои люди, между прочим!
- У тебя истерика!
- Ну да. Семнадцатилетняя пацанка попала под каток. Причем не в первый раз. Дай хоть поорать.
- Два вертолета вынырнули из мглы над морем, быстро спустились. Из них. выскакивали бойцы в камуфляже и бежали к зданию. Двое выскочили последними, огляделись, заметили ее. Тот, что пониже и покоренастей, поднес к губам передатчик:
- Подойди-ка сюда, птаха неразумная, поговорим накоротке.
- «Бить будет», – промелькнуло в голове у девушки, но она смело пошла навстречу мужчине. В конце концов, у нее за поясом ствол, и пользоваться она им умеет. Конечно, после этого его подчиненные превратят ее тело в решето, ну да...
- Вот ты какая, птичка Киви...
- Какая есть.

Глава 8

– Ну что ж, пойдём посмотрим пейзаж. А ты по ходу все популярно и расскажешь.

– Не пойду. Насмотрелась. А вам бы когти рвать надо по-скорому. Грохоту тут было – выше крыши.

– То-то, что грохоту. В поселке два ментика да казаки, гораздые только в престольный праздник нагайками махать. Поди, звонят в район. А районным тоже под пули не шибко охота: будут согласовывать с краем. Пока суд да дело, мы тут даже на телегах все добро вывезем, не то что «вертушками».

– Кончай философствовать. Дик, – хрипло произнес другой мужчина, высокий, черно-волосый. – Операцию ты завалил. Вчистую. Пошли глянем, как лучше зачиститься. Что будем говорить там? – Он указал глазами на небо.

Коренастый сплюнул, они оба скоро зашагали к зданию. Оля постояла молча, потом поворовски вытянула из куртки фляжку и прикончила ее в несколько глотков.

Мужчины уже возвращались. Бойцы тоже, бегом: с собой волокли запакованные в черные пакеты тела убитых, сгружая их на дно вертолетов.

– В машину, живо! – велел ей коренастый Дик.

– Ты тут сильно не командуй! Уже докомандовался. – Девушка кивнула на трупы.

От хлесткой оплеухи она ушла уклоном и с силой воткнула ствол револьвера коренастому в печень:

– Только тронь меня, подонок!

Голос ее дрожал, бойцы, что грузились в вертолеты, замерли разом, глянули на обоих командиров, ожидая приказа.

– Тихо, Оля, тихо, – медленно выговорил высокий. – У тебя был трудный день. У всех нас был трудный день...

– У вас был трупный день, поняли? Труп-ный. – Девушка опустила револьвер.

– И скажи этому коротышке, чтобы не лез.

– Пусть будет так. Прыгай в машину, в воздухе договорим.

– Я с покойниками не полечу. – Ольга вдруг усмехнулась глупо, и мужчины только теперь поняли, что она абсолютно пьяна.

– Здесь нет покойников.

– Да? А кто тогда вы? Трупы?

Девушке никто не ответил.

Через минуту оба вертолета, взревев моторами, оторвались от земли и пошли в сторону моря. В ту же секунду все здание ресторана-шале и надводные пристройки вспыхнули разом. Даже беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять: к приезду властей здесь не останется ни-че-го. Лишь сгоревшие дотла стропила, расплавленное стекло и гильзы, черные остовы редких металлоконструкций и растрескавшаяся на тысячи осколков черепица.

Как замороженная девушка смотрела в иллюминатор на уплывающее в ночь зарево.

– Спецсостав, – коротко пояснил коренастый. – Рядом с ним напалм – обычная солярка. Сжигает все, даже камни. – В его голосе звучали и примирительные нотки и... Девушка даже не поняла сначала, что это была гордость! Будто бы именно он изобрел этот адский огонь.

– Полезная вещь, – хмыкнула Ольга.

Вертолеты летели еще минут десять, потом открылись люки, и бойцы стали сбрасывать упакованные в пластик тела в черный проем. Груз был подвешен заранее, и покойники летели в бездну, вытянувшись по стойке «смирно», словно в молчаливом строю на дьявольском параде, безымянном, беспмятном и бесславном.

– Ну вот и примирились грешные души, – прокомментировал худощавый, повернулся к Ольге:

– Ты готова рассказывать?

– Готова, как шерсть котова. Выпить дадите, тав-а-ариш?

– Называй меня Глостер.

– Гло... чего?

– Глостер.

– Ну и погоняло вам выбрали, уважаемый. Как у больного.

– Глостер был британский герцог.

– Да? Что-то не похоже.

– Не важно. Я слушаю тебя.

– Да я все уже Дику рассказала. – Ольга усмехнулась глуповато, добавила, постаравшись придать голосу сарказм:

– Первому.

– Я слышал твой рассказ. Ты упоминала о каком-то психе.

– Ну да. Точно ненормальный. После того как Батю завалили, мы сидели...

– Кто – мы?

– Я.

– Не ври. Была еще девица. Среди трупов ее не нашли. Куда делась?

– На кудыкину гору! Я что, нанималась следить за всякими шалавами?

Сбежала. Как стрельба утихомирилась, так припустила, только пятки сверкали.

Глостер полуобернулся к какому-то совсем неприметному, серому субъекту, сидевшему у него за спиной:

– Девку отыскать. И зачистить.

– Несчастный случай? – едва слышно спросил тот.

– Да. Так лучше всего.

– Вы что, хотите... – начала было Ольга, но Глостер оборвал ее жестко:

– Вот что, сучка! Жалостливая стала, да? Ты о себе подумай. Позаботься, так сказать.

Пока летим, а скоро начнется детальный «разбор полетов». Операция провалена, и зачищаться будут все.

– Тогда начните с себя, герцог!

Глостер покраснел, произнес:

– Тебя, девка, вынули из дерьма. Отмыли, отпарили...

– ...И засунули в такое дерьмо, по сравнению с которым то – просто ванна с шампанским.

– Сука. Устроил бы я тебе экскурс в прошлое. Пожизненно.

– Так что мешает? Нужна, да?

– Не слишком. Так что не зарывайся. Просто та часть проекта одного... весомого человека. А он, как всякий смертный, честолюбив. Ему дорого его детище.

– Глостер помолчал, чиркнул спичкой-, прикурил, произнес резко:

– Все, детка.

Дискуссия о природе вещей закончена. Будем считать, я намеренно дал тебе возможность поболтать, чтобы прошли последствия боевого стресса. Теперь отвечай на вопросы. И – Глостер сделал предостерегающий жест, чтобы Оля не посмела прервать его:

– Если ты не въедешь в тему и вякнешь еще хоть слово, я выброшу тебя из этого геликоптера, как падаль. – Глостер жестко свел тонкие губы, добавил:

– Власти у меня для этого хватит.

На какое-то мгновение Оле стало страшно до жути. Такой страх бывает только в бредовых кошмарах: вязкий, ледяной, когда вдруг понимаешь, что спасения нет никакого.

Совсем.

Сглотнув жесткий, будто наждачный, комок, перехвативший горло, она произнесла неожиданно:

– А вы похожи.

– Кто?

– Вы и тот, седой.

– Какой седой?

– Ну я же рассказывала... Тот, что перебил всех. Он...

От него веет смертью.

– На, глотни. – Глостер протянул девушке фляжку.

Она мотнула головой:

– Не хочу. Он вошел в нашу комнату... Я подумала: сейчас он нас застрелит.

Но он... Он не обратил на нас никакого внимания. Подошел к магнитоле и поставил музыку... Пока она звучала, долго рассматривал себя в зеркале... А потом – ушел.

– И все?

– Все. Он только сказал... Он сказал, что мне нельзя брать в руки оружие.

Оно убивает.

– Бред какой-то...

– Очень похоже. Я... я спросила, кто он. Ну да, он и песню эту слушал...

«Гаснет в зале свет, и снова я смотрю на сцену отрешенно...»

– Ты говоришь, он назвал себя?

– Да. Он сказал – Маэстро.

– Маэстро?!

– Да.

Глостер побледнел, застыл, уставив взгляд в одну точку. Потом произнес едва слышно:

– Этого не может быть. Маэстро мертв. Девушка пожала плечами:

– Это вряд ли. Мертвые не убивают. Убивают только живые.

Часть вторая ВЗРОСЛЫЕ ИГРЫ

Глава 9

Але Егоровой снился снег. Словно она брела сквозь занесенное поземкой поле по едва видимой тропке. И чувствовала, что замерзает. Стыли ступни, холод подбирался по икрам вверх, и она боялась, что скоро вообще не сможет переставлять ноги, упадет, свалится на бок в глубокий сугроб и ее занесет, запорошит так, что не найдет уже никто и никогда. Откуда-то она знала, что в этих краях никогда не бывает весны: только низкое, будто притянутое к земле небо, бесконечно сеющее сухую снежную крошку, только стылые стволы безжизненных тощих деревьев, только серые избы, выстуженные, брошенные, с заиндедевшими стенами... И брела она неведомо откуда и неведомо куда, брела только потому, что боялась упасть и замерзнуть, хотя ноги уже ломило, уже перехватывало болью простуженное горло, и ей вдруг казалось, что упасть и уснуть гораздо проще, чем безнадежно брести по целине... И тут она услышала волчий вой; надрывный, тягостный, он вклинивался в мозг зудящим зуммером бормашины, он сковывал волю, он заставлял замирать сердце, он неволил разум и словно принуждал душу падать в щемящий холод небытия... Самих волков она не видела, но ощущала их приближение... Девушка почувствовала, как все тело ее оросил холодный липкий пот, и – проснулась.

Вой продолжался и наяву. С минуту Аля лежала, испуганно прижавшись к насквозь мокрой простыне, пока заунывное завывание не оборвалось вдруг, и девушка сообразила, что это был просто-напросто зуммер сигнализации невесть отчего сбрендившей иномарки, припаркованной там, внизу, у парадного подъезда гостиницы. Ну да, она в гостинице, в славном курортном граде Южногорске; на соседней постельке мирно сопит Ирка Бетлицкая, а за оконцем стелется прохладная ночь. Настолько прохладная, что хочется залезть в ванну, сунуть туда кипятильник и ждать, пока вода забурлит пенными газированными пузырьками.

Аля трянула слипшимися от пота волосами. Голова была тяжелой, как чугунная чушка, суставы ломило, пот липким плащом кутал все тело... Ну надо же, подхватить грипп летом в курортном городке! Все просто: сначала поджарились на жгучем солнышке, потом, когда сидели с девчонками на веранде за мартини, лениво и цинично обсуждая фланирующие мимо «штаны», первых мелкотравчатых альфонсиков, подтянувшихся на курортный сезон, просквозило-таки свеженьким вечерним бризом, остужая чуть обожженную кожу. И вот результат: нос сипит, как газировочный сифон перед издыханием, ноги-руки крутит, волки воют... волки... Или она простудилась еще там, в зиме?..

Аля трянула головой. К чертям всю эту вурдалачью бредятину. Простыла – вот и худо. И зачем ей было ехать на этот показ? Конечно, не за деньгами: просто хотелось развеяться. Гончаров умчал по делам своего среднего бизнеса в Европу, да и сачкует там уже третью неделю; Княжинск и собственная квартирка ей порядком опостытели, а тут в агентстве предложили смотреть на конкурсный показ коллекций молодых дизайнеров, в Южногорск. Многие политтузы, короли и прочие кони съезжались по этой поре в Южногорск поболтать-пообщаться. Или, другими словами, выработать совместные платформы, блоки, коалиции, планы, обсудить, так сказать, реалии. В теплой и незатейливой обстановке. А если еще короче – поделить бабки, дензнаки, зелень, хрусты, капусту, растущую на этом огороде, аки лопухи и чертополохи на брошенных подворьях; да и о поствыборном урожае покалякать треба: что-то, как принято, пожрет долгоносик, но и останется немерено! Гостям – по мякишу, зато своим – по горбушке!

Аля поморщилась; мысли были сродни сну: такие же тупые и тяжелые. По правде сказать, ей было давно наплевать на все эти большие игры; Олег, тот участвовал по мере разумения, но ее не грузил. Да и учеба – Аля заканчивала второй курс политеха по специальности «программист» – не оставляла времени ни на чтение брехунков, ни на лазание по дебрям, которые по полному недоразумению называют политикой. Нет, пора в ванну, в горячую воду: все мысли от холода, холод и такой снег, какой ей привиделся, словно преддверие преисподней, и снятся они... к чему? И к чему тогда снятся волки?

Девушка встала с мокрой насквозь постели, одним движением сбросила сорочку и пошла в ванную. Спонсоры постарались: номер был вполне европейский, ванная комната сияла чистой, и все же она вчера, по природной брезгливости, не поленилась вычистить «корыто» посвоему, с хлоркой. Аля плеснула пены, запустила воду, уселась в ванну на белоснежное банное полотенце – и снова уснула. На этот раз сон был тяжкий и удушливый. Она словно плыла сквозь мутную воду; в воде ей почему-то дышалось, и она полагала это само собой разумеющимся; время от времени она раздвигала в серой непроницаемой толще бурые водоросли, а сердце продолжало трепетать: ей казалось, что из этой мути вот-вот вынырнет скользкая мурена и затащит ее в темную нору.

Какая-то тень скользнула по лицу, водоросли сгустились разом, из их гущи словно что-то потянулось к ней, сердце мигом забилося загнанным зверьком. Аля дернула рукой – и проснулась.

Над ванной склонилась Ирка Бетлицкая и внимательно смотрела на нее. Але стало даже не по себе от такого взгляда: вот так глядели девки там, в детдоме, когда собирались разобратся со стукачкой.

Бетлицкая же вроде смутилась, пригасила взгляд, прикрыв глаза длинными темными ресницами.

– Ты чего это среди ночи купаться вздумала?

– Так. Нездоровится.

– Ты же уснула в ванне. Могла и захлебнуться, – произнесла Ира, и Аля уловила в ее голосе... Как бы это назвать? Нет, не сочувствие, а вроде как искреннее сожаление, скорее даже досаду, если бы такая незадача действительно приключилась. Аля усмехнулась про себя невесело; вот именно, незадача. И не больше. Милиция, неприятные расспросы, тя-го-мо-ти-на.

– Я за буйки не заплывала, – попыталась отшутиться Аля.

– Главное, не ныряй там, где водовороты. Утонешь, – вроде в тон ей произнесла Ира, но никакой шутки Аля снова не услышала: скорее злое пожелание, на грань угрозы.

У Али чуть не сорвалось с языка: «Да пошла ты со своим сочувствием!»

Вместо этого произнесла только:

– Ирка, чего ты всегда такая злая?

– Того. Зато ты добрая, да?

– Ладно, поговорили. Писать пришла? Писай-и уматывай.

– А может, я тебя стесняюсь.

– Тогда перетерпи.

Аля демонстративно задернула занавеску и снова запустила воду, погорячее.

Развезло ее капитально. Услышала, как Ирка спустила воду, громко хлопнула дверью ванной.

Подумаешь! Вообще-то, девка какая-то дерганая. Когда она появилась в агентстве, Аля сразу заметила и ее жесткий, цепкий взгляд, и злобу, причем не такую, какая обычно случается у девчонок, – сродни ревности или стервозности; злобу затаенную, не блажную... Все заметили. Девка притом была – залюбуешься: худенькая, высокая, черноволосая и черноглазая; она была

бы очень хороша собой, если бы не этот ее взгляд: будто каждый ей должен, должен пожизненно и посмертно... А она... Она только свое требует. И за это «свое» – и башку расшибет.

В том, что может расшибить, сомнений не было. Аля, наверное, и посочувствовала бы ей: дескать, трудное детство, безотцовщина и все такое...

Если бы у нее самой было легкое? Трудное детство – не повод становиться сукой по жизни.

Посочувствовать... Аля по глупости и сочувствовала сначала. Думала, отмякнет девка, – нет: даже сочувствие Ирка принимала как не сполна возвращенный долг.

Как бы там ни было, у Ирки Бетлицкой это был первый показ на выезде, и все девчонки селиться с ней наотрез отказались. Аля отнеслась философски: две ночи – это только две ночи, и век вековать с этой стервочкой придется тому козелку, какого она сумеет заарканить... Но вот болеть рядом с такой соседкой совсем не хотелось; погладил бы кто сейчас по голове, пожалел, глядишь, и грусть бы прошла, и простуда, что царапает горло кошачьей лапой, убрала бы коготки, затаилась... Человеку ведь так немного нужно: чтобы его пожалели. Чтобы он знал: его любят, за него переживают, о нем беспокоятся, и весь этот пестрый мир без него одного для кого-то разом померкнет, превратится в бысмыслицу, в пустую головоломку из каменных строений, снующих чужих людей, машин, невесть куда мчащихся товарняков, провисших проводов, пустых глазниц ночных окон, тоскливой безнадёги одиночества, так похожего на небытие...

Аля встала из ванны, ее качнуло. Тряхнула головой: да, расхворалась окончательно! Нужно что-то предпринять, и немедленно! Завтра, нет, уже сегодня вечером следовало быть в форме! Показ сложный, двенадцать коллекций, двенадцать основных девчонок-моделей и человек тридцать здешних, на «припаске». Подводить Олега Ефимова, режиссера, не хотелось никак; да и орать он будет... В два часа – генеральный прогон, вечером выступление, а Аля сама себе напоминает вареную курицу.

Девушка набросила белый махровый халат, запахнулась, прошла в комнату.

Ирка спала. Аля подошла к дорожной сумке, запустила руку, выудила плоскую бутылочку «мартеля» и баночку с аспирином. Вытряхнула сразу три таблетки, бросила на язык, запила остатками колы из пластиковой бутылки, налила полный стакан коньяку, отхлебнула. Ей показалось, коньяк отдает псиной. Ну тогда – залпом, как лекарство. Голова почти мгновенно поплыла куда-то, царапающий комок в горле растаял, стало вдруг до слез жалко себя... Сколько сейчас в Дрездене? А, плевать! Олег и так уже два дня не звонил, как пропал! Дело-вой тоже...

Аля взяла маленькую сумочку, достала сотовый. Нужно просто поговорить с тем, кто пожалеет, и станет легче. А потом она заснет и будет видеть только красивые сны. И проснется здоровой. Ну да: в этой жизни счастливы те, кого в детстве любили. В том самом раннем детстве, которое никто из взрослых не помнит.

Любили, жалели... И уважали, конечно: очень немногие родители способны относиться к своим детям с уважением, не просто как к своей собственности, но как к другим людям, пусть и маленьким, но со своим внутренним миром, со своими суждениями, принципами, мечтаниями... Нет, лучше не думать. Папа и мама погибли, спасая ее, и, если именно сейчас об этом вспоминать, станет горько до тошноты!

Какие-нибудь вшивые аналитики быстро бы вывели из этого комплекс вины и накрутили бы незнамо что. Дурость. Она просто благодарна своим родителям за то, что они были. И – любили друг друга. Этого вполне достаточно, чтобы быть счастливой. Вот только сейчас... Сейчас так хочется, чтобы кто-то пожалел.

Ну что за черт?! Але стало обидно до слез. Кнопочки сотового были темными, ни гудка, ничего. Ведь только позавчера батарейки новые вставила! Девушка со злостью вытащила их, повертела, засунула обратно, крепко прижала пальцем.

Ничего. Телефон молчал, как стая кефали.

Аля со злостью бросила аппаратик в угол кровати, подошла к гостиничному.

Попыталась набрать международный код: фигушки, аппарат сбросил набор на шестой цифре и разразился короткими раздраженными гудками. Ну да, не в Америке: гостиничное начальство справедливо опасается, что постоялец натреплет с дальним зарубежьем сотню-другую минут и съедет по-тихому... Заказать через коммутатор?..

И торчать, пока не соединят, у аппарата соломенную вдовой? Да пошли они все!

Аля запрыгнула в кровать, закуталась в халат, сверху накинула простыню и толстое покрывало и почувствовала, что слезы сами собой покатились из глаз. Она закусила губу, чтобы соседка не услышала, как она плачет, но слезинки бежали тихонечко, будто сок из подрезанной березы, и словно уносили с собой тревогу...

А через минуту Аля. уже спала. Без сновидений.

Глава 10

Олег Ефимов был взвинчен и неласков, как всегда накануне представления. На прогоне орал, заводил сам себя, рычал в микрофон, обзывал девчонок бездарями и неумехами и к окончанию репетиции заявил, что всех уволит.

Так было почти всякий раз, но девушки терпели и даже относились к этому с иронией; чтобы получилось красивое шоу, на прогоне нужно выложиться. Впрочем, все это Аля Егорова запомнила, будто в тумане: в час ее разбудили, до полчетвертого она вместе с остальными тенью бродила по импровизированному подиуму, потом автопилотом вернулась в комнату, завалилась в постель и отключилась почти до самого вечернего показа. Проснувшись, забралась под душ, – стрижка позволяла ей совершенно не думать о прическе; спустилась, бегло глянула расписание; у нее двенадцать выходов с одним окном. Схему дефиле она запомнила на взгляд, несмотря на полуобморочное состояние на репетиции; это было профессионально: так хороший актер запоминает текст роли – с двух прочтений.

Восемь вечера. Гости тусуются в холле, их же место пока – скучать в верхнем баре, курить, пить минералку за счет заведения... Самый дурацкий момент в работе. Подошла Ирка.

– Что-то у тебя вид неважный. На, выпей. – Бетлицкая подала чашку только что сваренного кофе.

– Забо-о-отливая, – иронично протянула одна из девчонок.

– Прямо мама родная, – добавила вторая. Ирка зыркнула на них с плохо скрываемой ненавистью. А Аля подумала-подумала, произнесла дружелюбно «спасибо» и отхлебнула из чашки обжигающей жидкости. Глупо быть злой. Может, и Бетлицкая это когда-нибудь поймет? А так... Этой неумной девке дерганая гордость не позволяет расслабиться, быть как все. Вот потому и дура. Вечно жестяное, словно собранное в пучок лицо – этакий кукиш старой девы, какой бывает не только в прическе, но и на физиономии. Если такое у неудачливых женщин по жизни, от откуда у этой в шестнадцать-то лет? И Олег, и стилист.

Оксана навсегда забраковали ее как фотомоделю. «Ей бы эсэсовскую форму да овчарку под руку – и в концлагерь. А так, какой товар ни рекламируй, всю клиентуру распугает. С эдаким личиком – хоть в золото самоварное оберни да „шанелью“ полей с головы до пят – мужики шугаться будут, как от чумной», – сказала Оксанка при просмотре первых пробных фото. «Даже мазохисты?» – спросил кто-то. «Эти – в первую очередь! Им ведь не боль нужна, кратковременная иллюзия боли и чужой власти. А по этой горгоне без бинокля видно: если и причинит боль, то настоящую. Кому оно. надо?»

Впрочем, по подиуму Бетлицкая ступала так, словно ходить научилась раньше, чем ползать, потому и выбилась-таки, из молодняка, попала в основной состав. А вообще-то, будет так себя вести – вылетит в два счета: кому охота напрягаться еще и на злую стерву, когда и так работы выше головы? Ирку Бетлицкую поминали недолго: злословить девчонкам сегодня вовсе не хотелось. Как и той же Ирке – сидеть за столом «поломанной клипсой», как. выразилась одна из девушек. «Вроде и блесит, а никому не нужна, и приспособить не к чему».

– Я в номере. К показу буду, – бросила Бетлицкая и вылетела из бара.

– Примадонна... Ефимов ей устроит.

– Да ладно вам...

Перемывать кости Бетлицкой никому не хотелось. Время от времени Ефимов, забросив светское общение, появлялся в баре, что-то командовал, что-то требовал от администратора и снова пропадал: этакий плотный нервный смерч весом под сто килограммов и ростом под метр девяносто: когда-то он сам, дефилировал моделью по подиуму, но было это еще во времена советские, давние, когда на показах серьезно обсуждали преимущество изделий фабрики «Красный текстильщик» над моделями дома моды «Большевичка», разумеется тоже красными.

И насквозь преданными делу пролетариев всех стран и родной КПСС – в особенности. Сегодняшние же юные модельеры могли «оторваться по полной программе»: и обрядить девочек в осенние листья или весенние побеги, в ботфорты и шляпки с перьями, в чадры и шальвары, в кимоно или псевдорыцарские доспехи: делай все, что тебе нравится, с шоколадом, без шоколада, как угодно. Все, на что хватит фантазии. Хм, подумать только, а ведь сейчас не каждый студент с лету расшифрует эту аббревиатуру – КПСС, – украшавшую, если верить пращерам, каждый мало-мальски ладно сшитый забор, не говоря уже про административные здания. Реклама по-советски, вместо прокладок – от протечки мозгов. Тупо, зато результативно.

Аля тряхнула головой. При чем здесь КПСС? Ну да, наваяло: вчера местные стриптизерши представляли для южных горцев-завсегдатаев и вновь прибывших гостей, рискнувших посетить злачное место, новую программу «а-ля советико»: девушки, одетые в школьную форму двадцатипятилетней давности – платьица с оборками, в белых фартуках, в непременных чулках на подвязках – сидели за партами, бог весть откуда вообще взявшимися, цельнодеревянными, с откидными крышками; одна за другой они выходили по вызову «учительницы» – «строгой» тети в очках – и раздевались по очереди под мелодии старых советских шлягеров типа:

«Для меня нет тебя прекрасней...» Под занавес первого отделения «училка» тоже осталась лишь в очках и туфлях, и вся тусовка-массовка под бодрую песню «На прививку, третий класс...» бодро маршировала за импровизированные кулисы. Второе отделение спектакля представляло пионерский лагерь... Танцовщицы изображали теперь юных пионеров – в галстуках, пилотках, со всеми причитающимися причиндалами, вроде горнов и барабанов. Юных и нетронутых нимфеток строгий женоподобный «доктур» в белом халате заставлял раздеваться под предлогом медосмотра; ну а потом эти особы резвились нагишом в «спальнях», то танцуя ламбаду, то упражняясь с шестом, то имитируя лесбийскую любовь. Наконец, под аккомпанемент пионерских маршей все девушки голыми строились на линейку: в гольфах, пионерских галстуках и пилотках. Верховодила вожатая; барышню отличали черные чулки, кожаная плеть и многомерная грудь. Закончилась «линейка» спортивным праздником: девушки, играя кто обручем, кто скакалкой, упражнялись, как могли, широко расставляя ноги, поворачиваясь, что та избушка к лесу, то передом, то задом, наклоняясь, задирая ноги выше головы, демонстрируя темпераментным горцам то, что те и так видели десятки раз, но в другом оформлении.

Аля с подружками смотрела представление из-за кулис: кривляющиеся на сцене дивы их интересовали мало, а вот публика... Это было куда как занимательно!

Особенное сочувствие вызывал полнокровный господин, похожий, несмотря на пятисотдолларовый костюм, на недавнего председателя колхоза имени Ильича, в хозяйстве которого все и всегда непременно подъедал зловредный долгоносик.

Будучи сейчас, с подачи кого-то влиятельного и деятельного, чем-то в ранге замминистра, этот мирный в прошлом селянин и добросовестный пахарь парткомов явно недополучил во времена сублинного отрочества девичьих ласк; ретро-представление оказало на него шоковое действие: дядько сидел красный, как перезрелый томат, нижняя губа чуть отвисла, и с нее вот-вот должна была закапать слюна... Время от времени он подносил ко рту бокал с дорогущим шампанским и выцеживал весь до дна... Как выразилась Светка Онопко, представление он отсмотрел, «не меняя руки». Вообще-то, девчонки-модели веселились вовсю, пока не стало тошно взирать на эту тихо сопящую прифранченную кодлу самцов. Вот тогда они и пошли проветриться на террасу. Под «легкий бриз», будь он неладен!..

...И тут Аля почувствовала, что в горле совершенно не першит. Совсем. То ли горячий кофе помог, то ли организм справился с простудой... И голова стала на удивление ясной и чистой... Настроение тоже переменялось: вместо тоскливой удрученности – подъем, будто скоро, сегодня, сейчас, случится что-то очень хорошее! Может, Олег уже вернулся из коман-

дировки, прочел записку на столе, взял да и рванул на аэроплане в Южногорск. Чтобы увидеть ее! Потому что соскучился!

– Так, девочки, быстро вниз! – Толстый маленький администратор, суматошный и подвижный, как надутый резиновый мячик, забегал, засуетился, запрыгал, скатился по крутой лестнице вниз, увлекая за собой стайку девчонок. Начиналась работа.

Сначала ведущие, словно балаганные паяцы, разогревали публику. Вернее, тянули время, пока все заинтересованные стороны протусуются в холле положенное время, переулыбаются друг другу, обменяются визитками, а их дамы – продемонстрируют подходящие случаю наряды и украшения. Ибо сегодняшний вечер, отличался от вчерашнего, как море от лужи. Никаких слезлих на время с гор бабаев, никаких «правильных пацанов» в костюмах от «Boss», никаких бывших «борцов с долгоносиком». Все стильно-плакатно, как и положено на лаковой журнальной иллюстрации незабвенно-монументального полотна художника Жореса Демократов" «Слуги народа в Разливе».

Все ждали Романа Ефимовича. Ландерса. Миллионера, мецената и депутата.

Авторитетного человека, способного решать проблемы друзей. Способного создавать проблемы недругам. Способного устранять проблемы вместе с людьми" их создающими.

И как только он появился в холле – упругий, как натянутая струна, и жесткий, как клинок, – все пришло в движение, гости вечера оборотились к нему, как металлические опилки поворачиваются в сторону сильного магнита. А сам Роман Ландерс, словно сошедший с рекламной картинки «Кремлевская» – укрепляет характер!", подтянутый, с жестким волевым лицом и полуседыми густыми волосами, непринужденно раскланивался с дамами, перебрасывался фразами с господами, и нельзя было не отметить, что, в отличие от большинства присутствовавших здесь мужчин, двигался он с энергией и грацией, какая дается многолетней тренировкой тела, упорством духа и той особой уверенностью, которая приобретается лишь вместе с деньгами и властью. Очень большими деньгами и непосредственной, неограниченной властью. Бывший спортсмен-пятиборец, да в недавнем прошлом еще и бессменный чемпион республики по военно-прикладным видам спорта, теперь он был депутатом, кандидатом и прочим, прочим, прочим. Но большинству здесь собравшихся он был необходим как человек, способный справляться с любыми проблемами.

– Мужик – упасть не встать! – восхищенно произнесла Оля Сорока, наблюдавшая тусовку в холле с маленького балкончика.

– «Младой хазарский князь Ратмир...» – с улыбкой процитировала Аля.

– Девочки, быстро, быстро! – запрыгал по ступенькам администратор.

На балкончике тем временем объявились два неулыбчивых субъекта. Оглядев девушек с головы до ног, но вовсе не тем взглядом, каким окидывают хорошеньких барышень представители сильной половины человечества, – неулыбчиво, с каменными, как у манекенов, лицами, они довольно неучтиво вытеснили их с балкона и остались там, заперев за собою дверь.

– Дебилы! – в сердцах ругнулась Оля Сорока. – Весь кайф поломали.

– А ты уже размечталась, как занежишься с дядей Ромой на водяной постельке? – поддела ее Аля.

– Да ладно тебе. Скажешь, плохо такого дядку-спонсора отхватить?

– У него таких леденцов, как ты, – полный набор.

– Егорова, ты хамишь.

– Слегка.

Перебрасываясь фразами, девчонки уже успели спуститься в комнату для переодевания, сбросить одежду и влезть в платья первой коллекции, прозрачные, как туман. Мальчики-модели числом четверо переодевались здесь же, но это мало кого волновало: ориентации они были такой, какая на подиуме и вокруг него вовсе не является уделом «сексуального меньшинства».

– Зацепить любого мужчинку на ночь, пусть и крутого, как семь поросячьих хвостов, – невелико дело, – тем временем развила животрепещущую тему Оксана Костюк. – А вот сохранить его насовсем – это уже искусство.

– Где-то я это уже слышала, – огрызнулась Оля.

– И немудрено. Потому что это истина, – примирительно пожала плечами Аля.

– Как ты там сказала?

– «Младой хазарский князь Ратмир...»

– Красиво. Это из сказки?

– Ага. Пушкин.

– Жаль, что жизнь – не сказка.

– И даже очень жаль. Зато наше представление – похоже.

Музыка зазвучала едва слышно и вскоре заполнила собою все пространство; сущее будто пропало: зал погрузился во тьму, люди замерли, притихнув, словно исчезли вовсе, и освещенный подиум стал местом волшебства, чародейства, тайного знания о тьме и свете, о зле и добре, о смерти и бессмертии.

Глава 11

Их одеяния были прозрачны, как туман, и грустны, как опадающие листья.

Девушки двигались по подиуму, окутанные светом юпитеров, окрашивающих сверхлегкую ткань то золотым, то густо-малиновым, то пурпурным... Музыка словно вплеталась в распущенные волосы, в легкие, полупрозрачные, призрачные одежды, и девушки будто парили над залом в немыслимой высоте, недоступные ни для черных помыслов, ни для злых дел... А где-то высоко, в холодных, фиолетово-сиреневых бликах перистых облаков догорал закат, напоминая о скорой зиме и о том, что так уже было когда-то... А девушки продолжали кружиться в колдовском танце над всполохами малинового пламени, как бы охраняя его, как надежду на то, что тепло вернется... Девушки двигались по подиуму величественно и отстраненно, словно в мире не осталось ничего, кроме всполохов музыки и света; только они были в этом гаснущем мире сущим и важным, все остальное казалось тьмой и пустотой, изукрашенным маскарадом на лице небытия...

Девушки работали, как заводные куклы; все было привычным, разве что темп: тем, у кого не было «окон», приходилось переодеваться очень быстро, и ничего не забыть, ничего не перепутать, и выглядеть притом так, словно только что сошла с. глянцевої картинки элитного журнала.

После сорока пяти минут показа наступил небольшой перерыв. В это время публику развлекал грустный клоун-мим в обтягивающем трико и шляпе-котелке; под давнюю, полузабытую и оттого особенно щемящую мелодию Ива Монтана клоун играл с шаром; влажно-синий светящийся шар был похож на землю; он переливался то золотыми, то серебряными, то алыми блестками и невесомо парил под руками клоуна-мага... А лицо его было полно печали, словно он, держа между ладоней землю, провидел ее будущую судьбу...

Какое-то время девушки наблюдали за ним с замороженным недоверием, пока Оля Сорока не всплеснула руками в детском восторге:

– Ну как он это делает! Мы же рядом стоим, и – ничего... Ни нитки, ни лески... Ни-че-го!

– Колдун, – хмыкнула Лена Толокина. – И в руках он планетку нашу не зря крутит. Сейчас озлится и ка-а-ак хлопыстнет об землю!

– Землю об землю! Соображай, что говоришь...

– Ой, девчонки, я такой рассказ читал, фантастический, – влетел в разговор Вадик Бовин. – Там один мужчина тоже кубик в руках вертел-вертел, потом сложил неловко, смотрит, а там – дырочка!

– Отверстие, – со смешком, явно издеваясь, поправила Толокина. – Дырочка – это в заборе. Ну, может еще где...

Девушки прыснули.

– Не-е-ет, девчонки, вы дослушайте! Глянул он в это отверстие: а там шарик! Голубой, красивый, влажный, висит сам собою, переливается и вроде даже крутится...

– Ну ты и расписал! Мне прямо сейчас захотелось! – не сдержалась Оля Сорока.

Вадик скроил гримаску, посмотрел на девушку, как умудренный опытом старшеклассник на детсадовскую крошку, хотел что-то ответить, да махнул рукой: дескать, что с вами говорить, недоразвитыми... Сосредоточился и продолжил:

– Дура: это земля!

– А-а-а...

– Да, а мужчина тот был или дурак, или экспериментатор...

– Не усугубляй, Вадик, это одно и то же!

– Ну вот: глядел он, глядел, а тут ему из того шарика прямо в глаз – как даст!

– Пьяным космонавтом, не иначе!

- Почти. Ракетой. Баллистической ракетой.
- Вадик, кончай трепаться, несешь какую-то околесицу, скоро перерыв закончится, надо хоть перекурить успеть.
- Курить вредно.
- Зануда.
- Девчонки, ну дайте порассказать! – В голосе Вадика слышались чуть ли не слезы, он просительно глядел на Лену Толокину.
- Пусть дорасскажет... – махнула рукой Лена. – Только побыстрее, Вадюша, мы же не на диспуте.
- Ну вот, – продолжил взбодренный Вадик, – мужчина этот почувствовал жуткую боль, подбежал к зеркалу, смотрит – а глаз ему выжгло! Насовсем!
- Разъярился он, озверел просто, кочергу в камине докрасна раскалил, подбежал к тому кубуку и в дыру каленую кочергу и сунул!
- Хорошо хоть, что не в задни...
- Ну Оля-я! – чуть не расплакался Вадик.
- Да не перебивайте вы! – прикрикнула на девчонок Толокина.
- Все. Не будем.
- Ну так вот... Выжег мужик кочергой что-то там, да и забросил этот самый непонятно как получившийся кубик в дальний чулан. Смотреть, что вышло, не стал: второй глаз, видно, пожелел. – Бовин заговорщически приглушил голос. – А через неделю все увидели высоко над землей? громадный человеческий глаз. Живой! Он смотрел с неба и неделю, и другую... Население, понятно, в панике, сектанты разные по улицам шатаются, народ мутят, бардак начался по всей земле страшный: никто не работает, все конца света ждут.
- Многие его пожизненно ждут, причем с удовольствием, лишь бы не делать ничего, – прокомментировала Аля. – И если к назначенному часу не пробьет, загоревать могут так, что помрут от огорчения.
- Вадик только пожал плечами, продолжил:
- Собрались тогда командующие всякие, начальники штабов и прочие офицеры – решать, что делать. Ну а поскольку все вояки думают только одним местом...
- Каким? – поддела Оля Сорока.
- Не тем, каким ты, поняла?
- Хм... А может, у меня оно как раз для этого и предназначено...
- Для чего?
- Для продвижения по жизни, понял? А у тебя...
- Девки! – прикрикнула на всех Толокина. Бовин глянул на девчонку раздосадованно, поджал красиво очерченные пухлые губы, произнес тихо и значимо:
- Дура.
- Сама дура! – беззлобно огрызнулась Сорока. – Ладно, досказывай. Что там с тем глазом вышло?
- Посоветовались те вояки, – продолжил Бовин с новым воодушевлением, – и решили общими усилиями создать жуткую ядерную ракету, каких еще не было, и – врезать ею по этому глазу. Чтобы порядок восстановить и свою власть тоже.
- Сказано – сделано. Через пару недель запустили, прямо в самый зрачок! И – глаз исчез.
- И дальше что? – уже заинтересованно слушали девчонки.
- А ничего. Все.
- Как это – все?
- Сидит тот самый мужик, которому глаз выжгло, у камина и вспоминает, как совал в кубик, в тот самый, где голубая планета сама собою висела, раскаленную докрасна кочергу...
- Девчонки замолчали. Тишина длилась с полминуты.

– И это весь рассказ? – спросила, наконец, Оля Сорока.

– Да. Все.

– Понятно. Это для умных штучка.

– Ну не для дураков же...

– Мудер же ты, Бовин.

– Чего?

– И мораль: не во всякую скважину зри, не во всякую дырку каленую кочергу суй. Масштабно.

– Ты дура, Сорока, поняла, дура! – взвился Вадик. – Это рассказ о том, что...

– Ну? О чем?

– Просто каждый человек неловким движением может сгубить нашу планету.

Случайно, по глупости. А она – прекрасна, мала и беззащитна.

– Ага... «Голубая, голубая, не бывает голубей...» – издевательски пропела Оля.

– А тебе завидно, да? – готовый сорваться в истерику, почти прорыдал Вадик. – Я же видел, как ты на моего Сашу смотрела, когда он меня у агентства встречал, видел!

– Ша, девки! Прекратили базар! – грубо рявкнула Лена Толокина. – Еще не хватало: три минуты до выхода, а они мужиков делить решили!

– А чего она... – запричитал было снова Бовин. – Коза!

– Ша, я сказала! Детский сад – трусы на лямках! Почему еще не готовы к показу?

– Да там же певец распрягается!

Как раз в это время безголосый певун, демонстрировавший на сцене все, что угодно, от хилого пупочка до волосатых ляжек, – все, кроме мастерства и таланта, закончил кривляний и тихонько свинтил под жидкие дежурные хлопки зала.

– Девочки, девочки, две минуты до выхода... Быстренько... – выпрыгнул откуда-то и заскакал вокруг, как мячик, кругленький и лысый администратор Сюркин.

– Аркадьич, все будет путем, – успокоила его Толокина. – Не бойсь.

Девочки-мальчики, у кого первый выход, приготовились...

...Зал окрасился сиреневым. Зазвучали характерные ритмы, на подиуме появился юноша в черном смокинге, с зализанными назад волосами, бледный и серьезный, как юный Мефистофель, еще не успевший сгубить ни одной шаткой души.

Музыка нарастала, вплетаясь в шелест дождя; прозвучало первое «атеп», сцена словно ожила, переливаясь в лучах юпитеров от светло-сиреневого до густо-фиолетового, малинового, пурпурного...

– Коллекция называется «Таро», – начал представлять показ мрачноватый ведущий – в черной фракной паре и лаковых туфлях; иссиня-черные, длинные, напوماженные волосы сосульками свисали до плеч. – Таро – это не просто возможность узнать былое и грядущее... – бормотал он шипящим дискантом. – Таро – это модель нашего мира, который так и не изменился за тысячелетия, не стал добрее, благороднее, совестливее... С тех незапамятных времен, когда великое переселение народов смешало все в странной круговерти и обрекло иные племена вечной бродяжьей судьбе, они понесли с собою Таро, словно осколок зеркала, словно предупреждение грядущему, словно обломок неведомой культуры... Какая канувшая цивилизация оставила нам это древнее знание, называемое Таро, знание тайное, загадку которого постигли лишь посвященные?.. А мы... мы можем лишь убого и равнодушно плестись вослед вялой колеснице бытия, подчиненные року, и лишь иногда Таро приоткрывает людям свою завесу, следуя чьей-то прихоти и произволу... Возможно, кто-то из смертных уже готов постигнуть эту тайну, возможно, ее не постигнет никто и никогда...

– Признаться, меня тоже от этой коллекции даже жуть берет, – прошептала на ухо Але Егоровой Света Костюк.

– А кто дизайнер?

– Какой-то Глинский.
– Что-то я о таком не слышала.
– Говорят, молодой. Из Москвы. Девки судачили: и идею, и тему ему предложил какой-то крутой. И фамилия у него странная... Мы ее в школе проходили, в какой-то книжке... Он и проплатил все: эскизы, наряды, показ.
– Решил стать русским Карденом?
– Вряд ли. Но ты же знаешь, у богатых свои причуды.
– Обычно они ограничиваются девчонками.
– Это те, что в детстве в кукол не наигрались.
– Все же они лучше тех, что не наигрались в солдатиков.
– Кто бы спорил.
– Егорова, а ты какая карта?
– Двадцать первая. Называется «Мир» или «Время».
– Красиво.
– Угу. И из одежды – одна ленточка по чреслам.
– Эротично. И переодеваться недолго. А я – «Госпожа». Символ куртуазности и хороших манер. Зато в короне.

– Вот видишь!

Прибежал взволнованный администратор:

– Девочки, не спите! Первая группа – выход!

...Последняя коллекция была вполне в духе времени и называлась «Комби».

Парни вышли в стилизованных под боевые комбинезоны лохмотьях, девушки – одни в закамуфлированных касках, широких армейских штанах, высоких шнурованных ботинках, полуобнаженные до пояса, прикрывая грудь руками в кожаных крагах; другие – затянутые в совершенно прозрачное трико и укутанные в пятнистые маскировочные сети. Зазвучала шлягерная композиция «Status Que» – «You Are In The Army».

Музыка нарастала, и под слова «Go on fire!» – «Иди в огонь!» – оборвалась на парефразе... Заработала светоустановка, то погружая зал во мрак, то озаряя мертвенно-белыми вспышками; динамики загрохотали барабанной дробью, так похожей на пулеметную, юпитеры заиграли бликами алого и пурпурного, девушки заматались по подиуму, словно спасаясь от шквального огня, и – замерли...

Музыка стала мучительной и навязчивой, словно пронизывающий до костей ноябрьский смог, студёный, неотвязный, сырой, не оставляющий никакой надежды на то, что скоро станет теплее... Фигуры на подиуме заволокло фиолетовым туманом, свет померк, и тут... две яркие вспышки, будто разряды тока, полыхнули в полутьме, так же, дважды, раздался сухой грохот – будто по подмосткам с маху ударили широкой деревянной доской.

Аля успела увидеть Романа Ландерса: он сполз в кресле, уронив голову на грудь, и теперь дико и жутко таращился прямо на нее черной, налитой сукровицей раной: две пули вошли почти одна в одну, раскроив полчерепа. Еще Аля успела заметить ошалевшие, белые от ярости глаза вскочивших охранников, пистолеты в их руках и лицо какого-то толстяка, размягченного алкоголем и похотью, – в эйфорийной прострации он, видимо, полагал происходящее частью представления, его изюминкой... И – свет погас.

Глава 12

Свет погас весь, разом. Какое-то мгновение стояла мертвенная тишина, и так же все разом взорвалось: раздались вопли и визг женщин, во тьме глухо ухнули еще два выстрела: видно, кто-то из гостей шарахнул из газовика, то ли с перепугу, ТО ли расчищая дорогу к вожделенному выходу; задвигались опрокидываемые стулья, и снова вопли, теперь отчаяния и боли – кого-то из упавших это холеное стадо уже топтало в темноте, прорываясь к дверям; пространство над залом, полное табачного дыма, расчертили в беспорядке лучи карманных фонариков и лазерных прицелов, кое-где мелькал огонек зажигалки и тут же гас в испуге, словно именно это могло сделать персону мишенью невидимого снайпера. Уже через полминуты над залом стоял вселенский грохот и вой.

Первое, что сделала Аля, было самым разумным в такой ситуации: она бросилась ничком на помост. Она интуитивно почувствовала: выстрелы в Ландерса пришли отсюда, со стороны подиума; ну да, даже не из-за сцены, с самого подиума, когда на нем и было-то восемь девчонок, изображающих убитых на неведомой войне.

Как только паника в зале усилилась, Аля в полной темноте вместе с остальными бросилась за кулисы.

Рабочий коридор, ведущий к черному ходу, был забит битком; в этой давке попеременно вспыхивали огоньки зажигалок, слышался визг и всхлипы; взглядом оценив ситуацию, девушка решила сразу: ждать тут, кроме обморока, нечего. И ринулась на второй этаж. Выскочила в совершенно пустой и темный коридор, заметила полуоткрытую дверь какого-то кабинета, забежала; окно было распахнуто настежь... Аля запнулась на мгновение: а вдруг это бежал убийца?.. На сердце похолодело, оно словно замерло разом, как бывает, когда прыгаешь в ледяную воду... Но другого пути из этой мышеловки не было; ей еще подумалось вскользя: как это организатор действия не догадался подпалить зальчик со всех четырех углов? Даже огня не стоило бы дожидаться: «избранные» передушили бы друг дружку, как нерестящиеся стегоцефалы! Решилась, прошла в комнату; точно, этим выходом кто-то до нее уже воспользовался: светлый прямоугольник окна, рама распахнута.

Не колеблясь, Аля одним прыжком вскочила на подоконник, благо по задумке последней коллекции ноги ее были обуты в грубые армейские ботинки; посмотрела вниз: второй этаж, но если прыгнул кто-то до нее, она тоже сможет! Опа!

Ноги увязли в картонных ящиках из-под иноземной винной тары, Аля, чертыхаясь, пыталась выбраться из-под вязкой, свалившейся на нее груды, когда услышала:

– Стоять!

У ворот в позе супермена – расставив ноги и сжимая обеими руками вороненый пистолет, – застыл детина в представительском костюме и с бабочкой: из охранников покойного Ландерса.

– Ты чего, дурак?! – вскинулась на него Аля, со злостью сбрасывая с ноги последний ящик. – Псих, что ли?

– Стоять, я сказал!

– А я никуда и не бегу!

– Почему в окно прыгнула?

– А ты в дверь вышел, да? Ребра у меня хрупкие, девичьи, чтобы ломать их в вашем притоне о косяки!

– Босса убили.

– Ух ты, наблюдательный какой! А я и не заметила!

– Вот что, девка...

– Заткнись, debil. Вам было поручено беречь шефа, вы прошляпили, и нечего на мне тут злость срывать, понял?!

– А ну-ка прекратила рассуждать! Ножками потопала, быстро, назад, в клуб!

На месте и разберемся, кто Рому валил.

– Может, ты думаешь, я?

– Может, и ты. Пошла!

– Идиот.

– Ты еще поговори!

Парень грубо схватил Алю за предплечье, ей стало больно, промелькнула дурацкая мысль: «Вот, теперь синяк будет, придется что-то с длинным рукавом в такую жару надевать, как монашке», – а дальше... Дальше она действовала, словно подчиняясь какому-то давнему, врожденному инстинкту. Чувство возмущения собственной несвободой подавило все, даже страх. Она резко и быстро ударила кованым каблуком по большому пальцу ноги охранника. От неожиданной резкой боли тот ослабил хватку, Аля вырвалась, хлестнула ребром ладони по руке с оружием, пистолет выпал, девушка послала его пинком куда-то под тарные ящики и с разворотом воткнула кулачок в вялое солнечное сплетение. Удар прошел – парень не успел сгруппироваться, ноги его словно кто-то подрубил в коленях, и он снопом свалился на землю.

«Ну и ну!» – пронеслось в голове девушки, сознание этим многозначительным междометием словно хотело защититься от всех последствий содеянного, от логического просчета дальнейших действий... Да и что тут просчитывать? Срываться отсюда нужно, и подальше! Пока осиротевшие отморозки охраннички не стали срывать зло на всех и вся! Убить, может, и не убьют, но вывески попортят: когда нет виноватых, достается всем: правым, левым, сочувствующим... А уж равнодушным – обязательно и по полной программе: их телячья покорность всегда действует на тупых и сильных возбуждающе, и таких бьют долго и смертно, пока не устанут.

Девушка быстрым взглядом окинула двор, улицу и стремглав помчалась прочь.

Она бежала так, что ветер в ушах свистел, притом стараясь держаться в тени деревьев: трико телесного цвета было совершенно прозрачным, и любой ночной подгулявший прохожий увидел бы экзотическую картинку: по ночной улочке курортного городка несется абсолютно голая девчонка в высоких армейских ботинках. Что за карамболь возникнет в мыслях такого вот мирного или не очень обывателя? Каковы могут быть его действия? Лучше об этом и не думать. Бежать, и как можно быстрее!

Впереди замаячили редкие огни, потом – освещенная площадка. Аля остановилась, несколько раз глубоко вдохнула, выдохнула, постаралась восстановить дыхание. И – спокойно пошла через площадь. Редкие мужички, вышедшие из казино перекурить это дело, выронили челюсти от изумления: девушка казалась абсолютно нагой и была изумительно, нездешне хороша! Аля, не обращая ни на кого внимания, ступала уверенной походкой модели на подиуме, высоко подняв подбородок и глядя прямо перед собой, словно была задрапирована в китайские шелка, сибирские меха и упакована в якутские алмазы. Вошла в холл, остановилась у стойки портье:

– От семьсот первого, пожалуйста.

Портье, худой долговязый прыщавый парень, старался сохранить невозмутимость, но... Кадык на тощей шее дернулся так, что Аля всерьез запасалась: поперхнется сейчас, упадет, засучит ручонками-ножонками по полу...

Возись с ним потом.

– От семьсот первого уже взяли, – произнес портье утробно, а в желудке у него что-то явственно екнуло.

– Ирка?! – вырвалось у Али. И подумалось: «Ну, шустра! Даром что стерва!»

– Да, ваша соседка... – стараясь казаться ироничным, протянул портье, – и тоже неглиже. Правда, на ней еще сетка была, вроде плаща. – Потом не удержался, с видом знатока дамского белья и иных аксессуаров смерил Алю сально-паточным взглядом, спросил, стараясь показаться развязно-бывалым, но севший голос выдал его волнение:

– Девчонки, это что, мода такая теперь будет, ходить в одном чулке на голое тело?

– А тебе что, не нравится?

– Мне?! Не нравится?.. – осклабился долговязый в похотливой ухмылке.

– То-то.

Аля развернулась, направилась к лифтам, чувствуя спиной неприятный, прилипчиво-потный взгляд этого ночного подавалы-приносины. Лифт пришел, девушка не удержалась, повернулась:

– Слюной не подавись, икало! Коридор гостиницы был чист и пуст. Свет не горел, но дверь их номера была полуоткрыта. Аля толкнула ее, позвала:

– Бетлицкая!

Молчание.

Аля прошла в комнату:

– Бетлицкая! Ира! Тишина.

Девушка открыла дверь в ванную: никого. Вот дела! Вернулась в комнату и только теперь заметила лежащие шмотки: маскировочную сеть и прозрачное трико.

Огляделась; сумки Иркиной тоже нет. Ну и ну! Подорвала девушка, да не просто, а со стремительностью курьерского поезда Токио – Йокогама. И если разобраться, правильно сделала: кому нужны чужие разборки? Вернее, разборки по чужим стрельбам и буйные поминки по чужим покойникам. Она и сама собиралась поступить абсолютно так же; вот только лететь куда-то в ночь сломя голову нет никакого резона: пока охранники разберутся со всеми, кого не выпустили из клуба... Ну да, надо позвонить Олегу. Аля достала из сумочки мобильник, но он по-прежнему молчал. Вот черт, как некстати!

Аля стянула с себя трико: точно, чулок чулком, только малюсенький треугольничек, более темный и плотный, прикрывает лобок; прав слюнявый портье: чулок. Она прошла в ванную, запустила воду, пять минут стояла под струями, зажмурившись. Состояние было блаженным. Совершенно не вяжущимся ни со вчерашней простудой, ни с сегодняшними не то что печальными, но и опасными событиями...

Аля чувствовала, как каждая клеточка тела пульсирует, ликует, а в голове вертелась дурацкая, но прикольная строчка очень давнего советского шлагера:

«Если бы парни всей земли вместе собраться однажды смогли...» Она представила такое собрание, и в центре – себя, вот такой, какая сейчас, нагишом... И засмеялась счастливо и дурашливо... «Если бы парни всей земли...» Ну, хватит веселиться. Пора и честь знать. Никто на самом деле ей не нужен, кроме Олега.

Все остальное – так, балаган, лукавство.

Аля прикрутила воду, наскоро вытерлась махровым полотенцем, вернулась в комнату, присела рядом с сумкой-баулом: там, в полиэтилене, лежало чистое белье.

Но... Рука ее наткнулась на ребристую рукоятку, девушка почти инстинктивно сжала ее и извлекла на свет Божий... пистолет. Карлик, маленький уродец с тупорылым стволом и шестью вполне смертоносными штуковинами тридцать восьмого калибра в магазине, и размером притом чуть больше пачки сигарет. Словно загипнотизированная, Аля смотрела на зажатый в руке полимерный «смит-и-вессон»

SW-380, поднесла к лицу... В нос шибанула недавняя пороховая гарь. Аля отсоединила магазин: четыре патрона. И в Ландерса стреляли дважды. Да. Пистолет, из которого убили Ландерса, сейчас у нее в руке...

Мысли ворочались тяжело и неторопливо, будто тяжелые доледниковые валуны под ковшом простенького маломощного экскаватора... И тут девушку словно пробило: холодная испарина выступила на лбу, одним движением Аля отбросила от себя оружие, словно это была свернувшаяся в клубок гремучая змея или бурая амазонская жаба: скользкая, бородавчатая тварь, потеющая липким ядом. Все мысли разом исчезли, в висках стучало, будто на стыках под бешено мчавшимся экспрессом, только одно слово: «Бежать, бежать, бежать...» Девушка выудила из сумки тот самый полиэтиленовый пакет, мигом натянула трусики, футболку, одним движением набросила на плечи свитер, перекатилась на спину, влезла в джинсы, вжикнула «молнией»... На ноги – мягкие шерстяные носки, ступни – в кроссовки... Сунулась в маленькое отделение кофра: пусто. Ни денег, ни документов! Ну Бетлицкая, ну сволочь! Хотя бес с ними, с бумагами, ноги надо уносить как угодно и – куда подальше! Лифтом нельзя, мало ли... Сейчас она спустится по лестнице, а там...

Девушка замерла: створки лифта растворились на ее этаже, и она услышала осторожное, приглушенное топание нескольких пар ног. Кто-то бежал по коридору.

Бежали – к ее двери! «Я забыла запереть!..» – пронеслась паническая мысль, Аля подняла глаза: нет, ручка замка повернута, цепочка тоже заброшена, но даже беглого взгляда ей хватило, чтобы понять: эту хлипкую фанерную преграду любой крепкий мужик вышибет без разгона! Аля беспомощно заметалась глазами, пока не увидела тот самый пистолет; ни о чем больше не думая, схватила его обеими руками, воткнула обойму с оставшимися четырьмя патронами, перезарядила и направила ствол на дверь.

Глава 13

Топот ног затих, но Аля чувствовала сдерживаемое дыхание тех, кто сторожко затаился за дверью. Потом услышала почтительный, аккуратный стук.

– Да? – стараясь сдержать волнение, спросила Аля, но голос все равно оказался севшим, сиплым и предательски дрожал; внутреннее напряжение было слишком велико, чтобы она могла сейчас играть игры с теми, в коридоре.

– Это портье. Вам срочная телеграмма, – отозвались за дверью. – Из Германии.

– Подождите секундочку, я только из ванны, я совсем раздета... – произнесла Аля почти автоматическую отговорку любой девочки. Ход интуитивно был выбран самый верный: вместо того чтобы настраиваться на смертельную и жестокую схватку, воображение парней за дверью живо нарисует картинку хорошенькой длинноногой девочки, голенькой и беззащитной... Даже если там лютые боевики-дебилы и любое воображение у них отсутствует по определению, первая бессознательная реакция будет все равно такой же. Дремучий инстинкт продолжения их уродского племени работает в режиме остановленного времени, и единственные извилины в головах, тянущиеся от мозжечка прямо к пенису, так и называются: «бабы». И пусть в названии возможны вариации – метелки, мочалки, шмары, прошмандовки, мясо, профурсетки, соски, шалавы, сучки – суть дела от этого не меняется.

Но как только до Али дошел смысл сказанного портье, сердце ее словно провалилось куда-то, а душу заволокло колкой изморозью страха... «Из Германии! От Олега! С ним что-то случилось!» – панически мелькнуло в голове, и первым порывом девушки было вскочить, распахнуть дверь настежь, ринуться ему на помощь... Снова холодная испарина обметала лоб: можно быть душой, но не настолько! Но тут же мелькнула другая, столь же гибельная: открыть сейчас, объяснить этим ребятам, что стреляла не она, что это спланированная подстава, хорошо спланированная... Стоп! Если так, то никто не будет ее слушать! Замолят или сразу, или в ближайший час, чтобы она не успела посеять сомнение в головах тех, кто руководит службой охраны ныне покойного миллионера! Концы в воду, и реноме соблюдено.

Все эти мысли пронеслись в голове девушки единым мигом; в этот же миг она поняла, что противостоять нескольким вооруженным парням там, за дверью, имея крупнокалиберного «карлика» с четырьмя «маслинами», она не сможет. Не первый, так третий просеет ее из какого-нибудь «узи» в решето!

Снова короткий стук, голос озабоченного портье:

– Извините, барышня, я не могу торчать тут бесконечно.

– Ну пожалуйста, секундочку... Халат мокрый насквозь, а встречать гостя нагишом я еще не научилась... Сейчас наброшу сорочку – и пожалуйста... – продолжала Аля активизировать те самые тупые извилины незваных визитеров.

За дверью зашептались, а Аля тем временем уже подошла к балкону. Балконы тут были смежные, нужно просто перелезть перегородку, да и на этаж или два спуститься – особого акробатического искусства не требуется. Она уже собиралась сказать очередную успокаивающую фразу тем, за дверью, как увидела, как жальце замка мягко провернулась, дверь приоткрылась на длину цепочки... Девушка застыла в балконном проеме, подняла пистолет, дважды вдохнула и выдохнула, стараясь унять сердцебиение. На соревнованиях ей это всегда удавалось, и потому укладывала она «маслята» как положено: пуля в пулю.

От жесткого удара ногой цепочка сорвалась, дверь распахнулась настежь, гулко стукнувшись о стену... Что-то повелительное, запретное вспыхнуло в мозгу единым словом: «Нет!» Плавным движением Аля перевела ствол пистолета вниз и спустила курок. Грохнул выстрел, еще, еще... Дикий, нечеловеческий крик, полный боли, разорвал тишину: тому громиле, что выбил дверь, девушка прострелила коленную чашечку, чудом поборов искушение стрелять

в голову. Вторая ее пуля вырвала кусок мяса из бедра другого противника, третья – смела несчастного долговязого портье к стене, обездвижив правую руку и окрасив форменный белый китель ярко-алым.

Девушка едва успела отпрянуть за бетонный выступ балкона: пули из скорострельного штурмового пистолета веером посыпались из проема двери, дробя мебель, круша стекло и хрусталь, посылая осколками ковер. Выстрелов не было слышно, только невнятное пыхтение пистолета-автомата, снабженного хоботом хорошего глушителя. Вой раненых сопровождал пальбу. Аля затаилась. Ни о каком бегстве сейчас не может быть и речи: ей просто влепят вдогон очередь, и вся недолга.

Парень, что палил из скорострельной машинки, не отличался ни храбростью, ни рискованностью. Он расстрелял весь магазин, так и не отважившись показаться из-за косяка; но когда-то он должен это сделать! Аля ждала. У нее оставался лишь один патрон. Последний.

Боевик решился: снова затараторила приглушенными выбухами нескончаемая очередь, но на этот раз он стоял в проеме освещенной двери и самозабвенно палил в белый свет, коверкая оставшуюся нетронутой мебель и выбивая пух из подушек.

Дебил, насмотревшийся идиотских боевиков! Только там все виртуально: сотни пуль, выпущенных из скорострельной штуковины, крушат все, кроме Сталонне или Шварца – этих кусков качного мяса! Аля знала точно: пуля убивает! А у этого дурака в голове, помимо той самой «трахательной» извилины, пылятся кубометры неживой компьютерной «реальности», навеянные милями просмотренного голливудского целлулоида! Похоже, это его первое реальное боевое столкновение.

Парень прекратил, наконец, массированный и бесполезный огонь. Замер, затравленно озираясь, словно это не он вел охоту – охотились на него. Аля застыла за косяком балкона: отражение зашуганного боевика она видела в стекле полурастворенной балконной двери. Высовываться было рано: этот солдат неудачи был напряжен и нервен, как неповязанный кобель, и готов был шмальнуть на любое движение, на любой звук. Но и ей торчать тут бессмысленно!

Что бы бросить? Цветочный горшок? Стоит произвести хоть какой-то шорох, незадачливый воитель выпустит оставшиеся полпрожка, вряд ли попадет, но скроется снова в коридоре, патронов у него немерено, и будет держать ее здесь, как в мышеловке, до первой подмоги. А в помощниках могут оказаться дяди вполне подготовленные, каковые и сделают ее молодое красивое тело холодным и малопривлекательным. Аля глянула на часы: четверть пятого, скоро начнет светать... «Дура!» – обругала она себя в сердцах, аккуратно сняла браслет с часами с запястья, приготовилась – и легким броском швырнула через дверь, в шкаф. Часики звонко клацнули о стенку двери, кретин с «узиком» дернулся, автомат заработал, выплевывая крохотные гильзочки, пули зацокали о полировку... Аля, держа смертоносного «черного карлика» обеими руками, в то же мгновение оказалась в проеме двери и вогнула вояке пулю в берцовую кость. Смотреть, как он отлетел с криком в сторону, и слушать его мамонтовый рев ей было уже некогда.

На мгновение она пожалела, что стреляла на поражение, а не на уничтожение: ей не проваться через дверь, мимо серьезно раненных ребятишек, запросто способных выстрелить в спину. Ну и пес с ними! Засунув бесполезного теперь маломерка за пояс, Аля мигом перемахнула балконный парашют, повисла на руках, раскачалась, чтобы, отпустив руки, запрыгнуть на балкон этажом ниже. Ей было безумно страшно: только представить, как будешь падать спиной вниз, и душа уходит в пятки и щекочет жутким смертным холодом ступни ног... Она уже собралась отпустить руки, как почувствовала, что рукав свитера зацепился за какой-то недобитый гвоздь, и это может изменить траекторию полета так, что... А она не птица-птеродактиль и даже не кошка, чтобы маневрировать хвостом!

Девушка осталась висеть на одной руке, с силой дернула кистью второй, нитка свитера осталась висеть на том самом безымянном гвоздике, левая рука, которой она держалась за балконную перегородку, вывернулась больно и неловко, так, что выступили слезы, Аля качнулась всем телом, отчетливо понимая, что если сейчас ошибется, то новой попытки сделать не успеет, рука вывернется совсем, и она полетит вниз, в пропасть мирно почивающего курортного городка...

На балкон она не запрыгнула – рухнула, крепко стукнувшись коленкой.

Сдерживая слезы, потеряла ушибленное место, а в голове болталась глупая строчка из песенки Алисы, заблудившейся в Зазеркалье:

Догонит когда-нибудь, или – шалишь?

Летучая кошка летучую мышь, Собака летучая кошку летучую...

Ну что я себя этой глупостью мучаю!

Кое-как отдышавшись от пережитого липкого страха, Аля встала, тронула балконную дверь: та оказалось незапертой. Прислушалась: из комнаты доносилась приглушенная возня и сосредоточенное азартное сопение. Потянула носом: наружу явственно струился сладковато-терпкий запах анаши. Ну что ж... Лучше и не придумаешь. Вынула на случай «черного карлика» из-за пояса: без патронов он был совершенно бесполезен, а вот как пугач авось и сгодится. Хотя кто примет этого маленького уродца за оружие, если из него не стрелять? Впрочем, у страха глаза велики: завтра, глядишь, по всему городку разнесется весть, что минувшей ночью по этажам отеля «Престиж» скакала сумасшедшая девка и палила во что ни попадя сразу из трех маузеров, двух наганов и страшного дробовика «маверик»!

Стараясь ступать неслышно, девушка приоткрыла дверь и тенью проскользнула в комнату. На широченной кровати, на спине громоздился здоровенный лысый орангутанг; впрочем, лысым был только его череп; все тело заросло густой черной-седой шерстью. Сын гор это или, наоборот, друг степей, было не понять. Над распростершимся громадным телом склонили юные головки две крашенные гидроперитом путанки-малолетки; они с сопением трудились язычками, пытаясь пробудить вялую плоть примата к активному времяпрепровождению, но тщетно: если что и вздымалось над постелью, так это безразмерный волосатый живот. Несостоявшийся самец время от времени что-то гортанно выкрикивал на незнакомом языке, но это вряд ли было руководящими указаниями двум пацанкам: обкуренный бегемот или плавал теперь где-то далеко, в лазурных водах Адриатики непотопляемым пароходом «Титаник», понятно белым-белым, или одиноко парил над заснеженными вершинами Эльбруса, аки орел... Бог весть.

Одна из девушек оторвалась от надоевшей работы, словно фрезеровщик от нелюбимого станка, посмотрела на Алю мутным коровьим взглядом, мучительно соображая, видит она девушку въяве или это просто очередной глюк.

Аля поднесла палец к губам:

– Тс-с-с... – Прошептала:

– Не отвлекайся. А то он и к полнолунию не кончит.

Девчушка понятливо кивнула, словно застигнутый строгим начальником за перекурном работяга, облизала губы и принялась стараться с утроенной энергией.

Аля тем временем прошла в крохотную прихожую, отомкнула дверь и оказалась в скудно освещенном коридоре. Пожалуй, выстрелы этажом выше слышали многие из постояльцев, но вряд ли кто станет распахивать суматошно двери, спрашивать, что случилось, кричать: «милитция», «насилюют» и все такое... Не во времена славного генсека Ильича живем, сейчас любопытный если что и получает, то только дурную пулю в дурную голову. Даже крутые ребята крепко усвоили немудреный руководящий постулат времени: «Если это твоя война – вой, если не твоя – отдыхай». Хотя...

Чужой войны не бывает.

Глава 14

Неслышно ступая. Для двигалась вдоль коридора, напряженно вслушиваясь в звуки наверху, внизу, на лестнице и готовая при малейшей опасности выстрелить...

Внезапно она застыла как вкопанная, глядя на смертоносный тупорылый шпалер, зажатый в руке. Дура! Ведь теперь он бесполезней игрушечного жестяного трамвайчика: в том весу поболее, и в случае чего можно какого гада по черепу очень даже чувствительно приласкать; этот же черный, как кошачий помет, пластиковый киллер был нестрашным и бесполезным; больше того, если Ромика Ландерса прикончили двумя пулями именно из него, то теперь в руках у девушки был не просто никчемный агрегат, но и опасный! Улика! Даже если она не попадетс браткам-охранцам Ландерса, а честно сдастся в руки родимой милиции (Господи, пронеси, от встреч с милицией еще в отрочестве у Али остались столь гнусные воспоминания, что лучше бы об этом не думать никогда вообще!), ее запросто признают той самой убийцей бизнесмена, депутата и человека.

Девушка брезгливо перехватила оружие двумя пальцами, заметалась глазами: прежде чем выбросить, надо хоть отпечатки стереть! А чем? Слюнявчики она никогда не жаловала, в карманах ничего – ни платочка, ни драного рублика! Кое-как девушка выдернула из-под ремня полу футболки, протерла пистолет со всех сторон, не забыла отделить магазин, протерла и его и одним движением забросила карлика-урода в темный угол. То, что теперь ее футболка, испачканная оружейной смазкой, пусть и едва-едва, стала уликой, она поняла поздно; отчаяние от своей бессильной глупости и беспомощности накатило вдруг такой острой тоской, что Аля, в который раз уже, едва сдержала слезы. Молча сглотнула колющий комок в горле: чтобы хоть что-то стало уликой, нужно сначала выбраться из этой дурной передраги живой! Выскочить из нескончаемого коридора, повернувшегося к ней спинами бесчисленных дверей.

Стараясь ступать по-кошачьи неслышно, девушка заспешила по коридору. Она не думала ни о чем. Там, в номере, ее постигла неудача, теперь же... Шуму было предостаточно; подключилась уже и милиция, и здешняя братва, и какие-нибудь местечковые службы безопасности, работающие в этом райском курортном городишке на одного человека: Романа Ландерса. Ныне покойного. Думать было не о чем, да и некогда. Нужно было бежать. Куда глаза глядят.

Парадная лестница, черная лестница... Тупик. Прикинуться шаловливой путанкой и проскочить мимо уже усиленной гостиничной охраны тоже не удастся – прикид не тот, здесь нужно что-то типа мини-эластик, а не свитер-джинсы. Да и знают всех гостиничных шлюшек местные охраннички в лицо! Безнадега полная!

Стоп! Там, на черной лестнице, – громоздкий рабочий лифт. Аля подошла и ткнула наудачу красную кнопку. Надо же, работает! Отодвинула тяжелую дверцу, так же, наугад, нажала нижнюю пимпочку. Лифт, тяжело и натруженно поскрипывая тросами, пошел вниз. Остановился. Аля с грохотом растворила массивную дверь «грузовика» и оказалась в подвале. Замерла, прислушиваясь: тихо. Выложенные белым кафелем стены, блеклый, кое-где подрагивающий люминесцентный свет, запах каких-то неприятных химикалий, словно здесь совсем недавно морили то ли крыс, то ли тараканов, а скорее всего, и тех и других, да еще и мертвенный, приглушенный «аромат» многолетней гнили – все это не прибавляло никакой бодрости, наоборот: навевало мысли о морге, покойниках, холодных серых лежаках, холодильниках, где эти самые мертвяки свалены кучей, как попало.

Внезапно Алю настиг страх; да какой там страх! – дикий, нерассуждающий ужас! Впервые за свою не такую уж долгую жизнь она зримо представила саму себя лежащей на холодном, скользком камне, голой, и над этим неживым телом уже склонился патологоанатом, примеряясь скальпелем, как лучше располосовать сразу, от шеи до паха... А санитарка, кое-как прижав голову, готовится пилить череп замызганной пилкой, похожей на гигантский лобзик...

Пот снова липкой паутиной облил все тело; ничего не соображая от страха, Аля ринулась бежать по этому бесконечному подземелью; в некоторых пролетах коридора свет не горел вовсе; как ни странно, именно там ей становилось легче...

Она бежала и бежала, дважды попадая в какие-то тупики; потом ей казалось, что бежит она по кругу, и края этому подвалу не будет никогда. Сердце уже вылетало из груди, когда она услышала грохот открываемого створа; девушка села на месте, приказала себе жестко: «Соберись!» Понимание того, что воображаемые страхи сейчас могут погубить ее наверняка, было ясным, но ужас помимо воли мешал дышать, сковывал, накатывался волнами, как ледяная гибель... Аля закрыла лицо ладонями, до крови прикусила губу... «Соберись!» – приказала она себе снова, кое-как перевела дыхание. Прислушалась: на хоздворе, у люка для отгрузки в подвал продуктов, разговаривало несколько человек. Аля легонечко подкралась поближе, замерла на темном отрезке коридора, готовая снова бежать при малейшей опасности.

– ...Не было?

– Да ты окстись, Жора! Кто в пятом часу утра по мусорникам да подвалам бегать станет!

– И через кухню никто не проходил?

– Во-первых, дверь на кухню закрыта с нашей стороны. Еще с часу.

Во-вторых...

– Кончай умничать! Я ясно спросил: никто не проходил?

– Ну, никто.

– А без «ну»?

– Да чего ты докопался до меня, Жора? Я ж не карьер, а ты не экскаватор шагающий. Вот – первая машина пришла, за всю ночь, понял? Грузчики стоят ждут, а ты долбаешь своими вопросами, как дурной рыбачок – елдой прорубь! Чего стряслось-то?

– А ты не слышал ничего?

– Да кемарил я в каптерке.

– И выстрелы не слышал?

– Где?

– В Караганде! Понял? Коз-зел!

– Что-о? Жора, ты кого козлом назвал, падаль? Ты думаешь, тебе, сявке стриженной, шпалер дали, так ты и при делах?

– Ладно, Косой, не гони...

– Что – не гони?! Да ты еще дрочил под одеялом, когда я зону топтал!

– Сказал, Косой, не баклань!

– За базар отвечаешь?

– Да пошел ты!.. Мурло, синяк гребаный! Раздался звук хлесткого удара, грохот то ли коваными ботинками, то ли сапогами по кровельному железу, звук падения тяжелого тела... Какой-то вскрик, хрипы... Потом неожиданно зажужжал электромотор ленточного конвейера, что доставлял в подвал туши. На конвейере ничком, на спине, лежал малый и судорожно дергался всем телом, суча ногами и руками. Над ним нависал, прижимая к ленте, другой: постарше, мосластый, с редкими, торчащими клоками волосиками, с сифилитическим носом на скуластом лице.

Он что-то шептал на ухо противнику, словно увещевая того прекратить конвульсии.

И тот действительно затих. Аля почувствовала, как разом свело желудок: голова лежащего на спине малого была почти отделена от туловища; кровавый надрез на шее, от уха до уха, походил на раззявленный рот рыжего арлекина... «Человек, который смеется».

По лесенке рядом с лентой спустился другой человечек: маленький, горбатый, лысый.

– Косой, ты что, с крыши съехал? Что теперь Гуне говорить станешь?

– Заткнись, Гном. Ты базар слышал?

– Ну.

- Если тебя козлом повеличали, ответка должна быть?
 - Ну.
 - Вот и весь базар.
 - Гуня понятий не понимает.
 - Ниче. Припечет – поймет. А его щас вроде припекло. По самые яйца.
 - Ну. Рому Ландерса завалили.
 - Круто. Выходит, под Батю теперь пойдем?
 - Выходит, так. Больше не под кого.
 - Батя – человек с понятием.
 - Известно.
 - Помоги-ка, Гном.
 - Куда его?
 - К тушам, на ледник. Порубим – и в море. Скатам на корм.
 - А работяги?
 - Шофера?
 - Ну.
 - И че? Если толковище будет, они подтвердят. А до толковища Гуне еще дожить надо.
- Ну а на нет и суда нет.
- А ты, Косой, крут.
 - А то.

Аля съежилась, превратилась в комочек и старалась даже не дышать. Но в коридор Косой и Гном не пошли. Горбатый деловито отомкнул какую-то дверь, они подхватили мертвя-ка, потащили. Девушке стукнуло: сейчас! Она перебежала ближе к выходу, запах свежей крови снова заставил желудок скрутиться жгутом, Аля задержала дыхание, зажмурившись, вбежала по бетонным ступенькам рядом с продолжающей двигаться лентой. Шум конвейера надежно заглушал ее легкие шаги.

Аля высунула голову: метрах в пятнадцати стояла крытая фура, но никого из работяг или шоферов видно не было. Прямоугольник ворот раскрыт. В будочке рядом – тоже никого: ну да, охранник сейчас был как раз занят освеживанием жмура с прижизненным именем Жора. Девушку снова замутило так, что серая мгла на мгновение заволокла мир. Аля кое-как перевела дыхание, ринулась к воротам. Никто ее не остановил и даже не окликнул. Оказавшись на улице, Аля вдохнула несколько раз пьянящий, напоенный ароматом трав и моря ночной воздух и ринулась прочь, словно спущенная с тетивы стрела.

Часть третья ДЕВОЧКА И МОРЕ

Глава 15

Девушка бежала маленькими затененными улицами вниз, к морю. В сумраке утра она различала ряды домиков, все, как на подбор, одноэтажные, построенные лет тридцать-сорок назад, увитые виноградными лозами и отгородившиеся и от жары, и от мира решетчатыми ставнями. На каком-то заросшем чертополохом пустыре испугнула стаю больших рыжих собак; за ней пыталась было увязаться мелкая пятнистая шавка, но лобастый вожак что-то рыкнул утробно, и стая покорно пропустила девушку. Испугаться она не успела, подумала лишь – как хорошо, что сейчас утро. Ночью эти бывшие друзья людей царили на улицах и порвать ее могли даже не по злобе или со страху – просто мстя своим бывшим хозяевам за все прошлые и нынешние обиды.

Девушка вылетела через безымянный проулок на взгорок. Море открылось внезапно. Оно плескалось далеко внизу в сонном величавом покое; лишь первые утренние волны тревожили маленький каменистый пляжик.

Вокруг – ни души. Аля пошла по взгорку, пытаясь найти хотя бы тропинку. И чуть не пропустила ее. Спуск к морю был вырыт местными почти отвесно, узенький, закрепленный деревянными штырями, как опалубкой. Постояла, восстанавливая дыхание; на востоке показалось солнце, вырывая из дымки все побережье. Девушка подошла к воде, умыла лицо, прополоскала пересохшее горло – и побежала снова, плавно, размеренно, по самой кромке воды.

Минут через сорок она обогнула мысок. Дальше были завалы камней и коричневой породы: видно, еще весной море подмыло почти отвесный берег, и груда весом в несколько тонн обрушилась, преграждая путь. Чертыхаясь, Аля с полчаса преодолевала каменный завал. Дальше был пляжик. Никакого мусора: ни отдыхающие, ни местные не забредали сюда. Кому охота ломать ноги о камни под палящим солнцем? Девушка огляделась: с другой стороны – такое же нагромождение камней.

По крайней мере, здесь ее никто не потревожит.

И тут Аля почувствовала дикую, смертельную усталость. Солнце только встало, едва прогревая воздух. Девушка нашла между россыпью камней сухое место, натаскала высохших водорослей, соорудила себе матрас. Потом разделась донага, еще раз огляделась – никого – и, осторожно ступая босыми ногами, пошла к морю.

Вода оказалась достаточно теплой. Аля нырнула рыбкой в солоноватую влагу, сделала несколько гребков... Подошла легкая прибойная волна, кинув ей в лицо горькие брызги... И тут – словно какая-то пружина, державшая ее всю ночь, лопнула, из глаз покатались слезы, такие же соленые, как окружающее море. Другая волна потянула девушку к берегу, на мелкий песок, а Аля... Она уже ничего не видела и не слышала: просто свернулась комочком, напряженно обхватив колени руками, плечи и худенькая спина сотрясались в рыданиях... И не было никого рядом, кто бы мог пожалеть... Только море ласково, бережно касалось ее тела и будто шептало бурливыми пузырьками прибоя: «Все пройдет... Все пройдет... Все пройдет...»

Ну почему, почему все так несправедливо? Разве ей к ее девятнадцати выпало мало испытаний? Гибель мамы и папы еще тогда, в детстве; беспамятство, безнадега детдома, та жуткая история с наркотиками и с Маэстро... Разве этого недостаточно, чтобы заслужить хоть маленькое счастье?..

Море продолжало ласкать ее, едва касаясь кожи, и девушке показалось, что оно тоже плачет, сочувствуя ей... Кое-как Аля выбралась на прохладный еще песок, подставив измученное тело солнышку, замерла. Дыхание успокоилось, но обида на жизнь уже ушла, слезинки высохли, солнце согрело. Был бы рядом Олег... Ничего.

Все будет хорошо. Все обязательно будет хорошо. Потому что иначе – совсем нечестно.

Усталость накатила сама собой тяжким ватным одеялом; как уснула, Аля не заметила. Ей начали было сниться свет и музыка, и будто она летела, и полет ее был стремителен и чарующ... А с запада шла гроза. Черная, мохнатая туча надвигалась стремительно; девушка попыталась развернуться в потоке воздуха, но ничего не вышло: словно гигантский безжалостный смерч тянул ее туда, в самый центр грозы, и она уже видела блики молний, слышала треск близких разрядов; в сердцевине смерча она увидела вихрящуюся фиолетовую воронку, ее несло туда каким-то шалым ветром, и она знала, что если сейчас не сумеет развернуться в потоке и вернуться назад, к солнышку, то мир для нее погаснет, она пропадет навсегда. Аля попробовала вздохнуть, но горячий воздух наждаком опалил горло, на губах она почувствовала соль, а сзади нарастало синее пламя, оно уже жгло спину и норовило поглотить ее всю. И тут девушка словно попала в ледяной омут: студеный воздух окатил с головы до ног, заставив сердце сжаться от ужаса: вот теперь она точно потеряет и равновесие, и ориентиры и стремительно унесется в черно-фиолетовую тьму смерча...

...Аля оглядывалась по сторонам, совершенно ничего не понимая, осматривая окружающий инопланетный пейзаж: обрыв поднимался метров на сто вверх, по нему можно было читать историю земли; вокруг были разбросаны куски породы, они отливали коричнево-золотым; другие, рухнувшие давно, были вылизаны морем в гладкие окатыши. Горло драло немилосердно, Аля попробовала пошевелиться и почувствовала легкую саднящую боль в спине, на шее, на бедрах: ну да, она обгорела. Заснуть на берегу было верхом легкомыслия! Она совершенно не чувствовала себя отдохнувшей, наоборот; и еще – очень хотелось пить. Девушка облизала потрескавшиеся губы, встала, одним прыжком бросилась в море. Сначала вода оказалась ледяной, но тело согревалось все больше и больше с каждым гребком, и вот уже она плыла в чистом прозрачном сиянии, видя каждую песчинку на дне. Набралась храбрости, плотнула; вода была соленой, но освежала: жажду не утолит, но, по крайней мере, не умрешь сегодня. А жить здесь робинзоном все лето она не собиралась.

Аля набрала воздуха и нырнула; там, внизу, вода была еще очень холодной.

Но, вынырнув, она могла, не боясь замерзнуть, лежать на волнах. Сон вспоминался теперь смутно, и Аля сумела убедить себя, что теперешняя явь – и есть его счастливое продолжение. Все будет хорошо. О том, что нужно делать, Аля не задумывалась: к чему загадывать? Просто нужно уехать на какой-нибудь попутке подальше от этого взбесившегося городка и позволить Олегу. Он что-нибудь придумает. Все будет хорошо. Накувыркавшись вдоволь, она заметила, что берег довольно далеко; погрузила голову в воду и кролем пошла к берегу. Все будет хорошо. Выскочила из воды, пробежалась по песку вдоль марсианского обрыва, согреваясь, сделала несколько раз «колесо», даже закричала что-то от полноты чувств: хо-ро-шо! Обсохнув, побежала обратно. Вот она, груда камней, среди которых она сложила одежду; здесь нужно ступать осторожнее: не хватало еще раскроить ступню, это в ее-то положении. Аля осторожно ступала между камней, шаг за шагом. И – замерла на месте. На песок падала тень.

– Ну вот и объявилась, – услышала она скрипучий, словно надтреснутый голос, подняла голову, ойкнула – и поспешила прикрыться руками. Стоявшее напротив существо, когда-то давно бывшее человеком, – обрюзгший мужичонка в рваной, вытертой, сожженной солнцем фетровой шляпе на сальных волосах, в каком-то неимоверном лапсердаке, бывшем лет десять тому пиджаком, в оборванных джинсах, подпоясанных бельевой веревкой, и в ботинках военного образца, зашнурованных грязными разноцветными тесемками, – сально лыбился щерба-

тым ртом, разглядывая девушку. Впрочем, его Аля рассмотрела разом, но сначала почувствовала неимоверно мерзкий запах, исходивший от бомжа.

– Отвернитесь, мне нужно одеться... – попросила она.

Бомж забулькал смехом, обнажив беззубые воспаленные десны.

– Ты, девка, ручонки-то убери, – произнес он трескуче. – Дай уж кончить.

Аля заметила, что одна рука у него просунута в брюки и дергается под грязными штанинами... Девушке стало противно до полного омерзения, и единственное, что пришло ей в голову, – схватить камень и прогнать это животное прочь! И тут, услышав утробное «гы-гы», обернулась: позади нее стоял увалень с лицом потомственного олигофрена и алкоголика; непонятно было и то, как такая маленькая, покрытая редкими белесыми волосиками головка могла сочетаться с таким большим телом! Но и крупен этот дебил был как-то асимметрично: словно гигантский огурец, с непомерно длинными ногами, широким тазом, висячим брюшком, длинными руками, растущими будто не из узеньких плеч, а прямо из шеи! Дегенерат тарасил на девушку водянистые, навывкате, глазки и облизывался, как на сладкое. На нем были только трусы: длинные, черные, до колен, какие Аля видывала только в фильмах про сороковые годы. Но горше всего был его взгляд: оловянные пуговицы глаз тускло отражали небо. Нижняя губа дауна непроизвольно отвисла, с нее тонкой струйкой текла слюна.

Судорога отвращения прошла электрическим разрядом от спины до кончиков пальцев; девушка присела на корточки, соображая, что же теперь делать. Вся беда была в том, что вокруг – россыпи камней, и убежать босой она не сможет: обязательно поранится, раскроит ступню – и что тогда? Да и куда она побежит голой? Мысль была простой и здоровой: вооружиться камнями, настучать этим уродам по причинным местам и заполучить назад одежду: она лежала там, за развалом камней. Путь преграждал сластолюбивый старец. Пока он занят разминанием хлипкой плоти, самое время обломать ему кайф!

Девушка сжала в кулачок плотный окатыш, в другой взяла кусок породы покрупнее, оглянулась на дауна – и упала навзничь, распластавшись ничком: этот дебил ткнул ее длиннющей рукой-оглоблей так, что она зарылась носом в жесткий ракушечник.

Глава 16

– Полегче, Федюня, полегче... – услышала Аля голос, подняла глаза. Из-за гряды породы вышел дядька, в котором уверенно можно было опознать свихнувшегося интеллектуала. Глубокие залысины на высоком лбу, редкая бороденка, которой когда-то придавали форму благородного клинышка, а-ля всесоюзный староста дедушка Калинин или Николая Бухарин, «помесь лисицы со свиньей», как справедливо поименовал его прокурор Совдепии товарищ Вышинский.

Одет дядька был в стеганый, неопределенного цвета и фасона халат из тех, что носят на востоке; на голове, на самой макушке, уместилась шапочка, напоминающая все сразу: и мусульманскую тюбетейку, и раввинскую кипу, и турецкую феску; из-под халата виднелись голые кривоватые ноги, обутые в довольно приличные кеды. Светло-карие глаза бородатого смотрели с «ленинским прищуром», внимательно и даже сочувствующе: из таких людей получают отменные душегубы, жестокие, властные, трусливые, вымещающие свою изначальную неудачу в жизни на тех, кто оказался сильнее, но в данный момент – беззащитнее. Именно из таких получают Геббельсы, Гиммлеры и берии. Девушка решила сразу: этот – самый опасный.

– А ты, Тухлый, заройся в тину и не отсвечивай, – вяло, но с затаенной угрозой посоветовал дядька стасолобцу.

– Глеб Валерианович, еще чуть-чуть, и я...

– Заройся, я сказал, – визгливо выкрикнул «интеллектуал»; длинная фортепианная струна свистнула в его руках и обрушилась на сальную голову Тухлого: только шляпа спасла того от серьезных ранений.

Федя вздрогнул было, втянув башку в плечи, но заигрывал снова, указывая на лежащую у его ног обнаженную девушку.

– Федюня, кушать, – произнес Глеб Валерианович. Глазки Феди приобрели осмысленность, а тот добавил:

– Еда – там.

Федя закивал и побежал крупной рысью прочь, за грядку каменных обломков.

Наконец Глеб Валерианович обратил внимание на Алю:

– Ну и как мне вас называть, милая незнакомка? Нимфа? Или – nereida?

– Кто вы? Откуда вы взялись?

– Это ты взялась, девка! А мы живем в этом большом мире, получаем удовольствие от жизни и ничего не просим у вас, запертых в каменных лабиринтах соподчинения. Наши удовольствия редки и просты.

– Отдайте мою одежду!

– Зачем? Таких красивых девочек я не видел давно, а уж я, поверь, знаю толк в красоте. Ну? Вставай, покажись.

– Да пошел ты!

– Неразумно, красавица, неразумно. А я уж думал, что мы поговорим с тобой о любви и поэзии.

– Прекратите паясничать! Вам не стыдно?

– Мне? Нисколько. В этих местах меня знают как Диогена. И это так. Я – свободен.

Аля только крепче стиснула зубы: вот что непереносимо в словоблудствующих интеллектуалах, так это то, что, живи они как угодно подло, бездарно, развратно, – всегда придумывают себе принципы, по которым якобы жили, а не существовали.

Непременно высокие, значимые, овеванные ореолом истории. Такие, попадая в полное дерьмо, вместо того чтобы выбраться или хотя бы прибраться, умудряются в нем комфортно устроиться, и не просто устроиться: подводят теоретическую базу.

Козлы. И этот – козел. Самый натуральный.

Но разговор стоило поддержать: нужно же как-то выпутываться!

– Свобода есть осознанная необходимость, – процитировала девушка Маркса.

– Вот как? – поднял брови Диоген. – А ты не простая путанка и не бродяжка.

– Зато о вас этого не скажешь.

– Зря. Маркс был дурак. Свобода только тогда свобода, когда она свободна ото всего, и от необходимости тоже. Это – воля. – Диоген прищурился, уголки губ язвительно и чуть обиженно опустились. – Моя воля.

– Пусть так. Но, дорогой Диоген, я не загораживаю вам солнце? Может быть, я сначала все-таки оденусь?

– Иронизируешь? Гордячка? Видишь ли, девка... Да, ты красива, поразительно хороша, но гордыня есть самый страшный из смертных грехов: красоту ты получила просто так, в этом нет твоей заслуги, но ты... ты презираешь нас! И нашего убогого Федю, и бедолагу Тухлого, и меня. А что ты о нас знаешь? Что ты знаешь о жизни каждого из нас, чтобы презирать?

«Да будьте вы хоть ирокезами, хоть австралопитеками, но мыться же нужно, хотя бы изредка!» – промелькнуло у Али, она чуть не произнесла эту фразу вслух, но вовремя остановилась. А вообще... Большинство людей относятся к бомжам, как к бродячим собакам: грязны, но безобидны. И стоит только замахнуться палкой, как такая псина, ссутулившись, потрусит прочь, повизгивая от жалости к себе. Но – не ночью и не в пустынном месте: тут стая становится наглой, опасной, жестокой. Ну надо же! Как ее угораздило забрести именно в такую пустошь?

А этот Диоген не так глуп, вернее, совсем не глуп: Аля часто ловила себя на том, что, увидев грязного и бесприютного бродягу, начинала про себя придумывать и его жизнь, и его несчастья, жалея бедолагу. Будто своих несчастий ей мало! Все, что сейчас произносил этот скверно пахнувший «златоуст», было бы правильно и, возможно, хорошо бы выглядело, если бы он стоял на трибуне ООН или Совета Европы; а когда он произносит монологи перед раздетой донага, скрючившейся от тревоги и стыда девчонкой, это... гнусность, вот что это.

– Может быть, мы стали тем, чем стали, чтобы освободиться от рабства, – продолжал вещать прибрежный Диоген, – от пут общества, от бесцельности существования, мы стали истинно свободными, перестав зависеть от ваших властей, ваших законов, вашей морали. И твоя гордыня есть гордыня рабыни, не желающей никакой свободы. Ну а раз так: ты будешь рабыней, нашей рабыней! Моей!

Аля оглянулась: нет, сбежать не удастся. Вахлак Федюня, по-утиному переваливаясь, уже спешит обратно, сжимая в лапе черствый батон и отгрызая от него немаленькие куски. Сбылась мечта идиота.

– Боишься?

– Что? – Аля повернула голову: местечковый Диоген стоял теперь рядом, нависая над ней.

– Ты боишься меня?

Девушка хотела ответить что-то резкое или просто рассмеяться в глаза, но... Запах давно немытого, заскорузлого тела чуть не вызвал у девушки приступ рвоты; конечно, она боялась этого человека, как бояться ползучую тварь, липкую и омерзительную. Именно так Аля всегда думала о змеях: омерзение перед тварью, перед ее грязью страшило ее всегда куда больше, чем яд.

– Боюсь, – выдохнула она.

– Мне это не нужно. Ты должна видеть во мне своего защитника и господина.

«А шейха и султана – не требуется? Господин на букву „гэ“! Крыса помойная!» – пролетело в Алиной голове, а Диоген продолжал, чуть понизив голос:

– Только я могу защитить тебя от этих, – кивнул он на прикинувшегося ветошью за камнями Тухлого и приближающегося Федюню. – Федя, он без фантазии и без воображения вовсе, и, что с тобою делать, вот такой голенькой, он без посторонней помощи просто не догадается. А Тухлый... Его вожеление экзистенциально и схематично: желать и мочь – совсем разные вещи. Вот в этом и опасность: игрушку, которой нельзя воспользоваться, ломают.

Этот краткий монолог Глеб Диогенович произнес, явно любуясь собой; у девушки мелькнуло даже подозрение: а уж не маньяк ли он? Пережитые когда-то страхи нахлынули разом, но подчиниться им – значит сразу потерпеть поражение.

– Федюня, конечно, полный идиот, но знаешь как он проводит досуг? Ловит там, – Диоген неопределенно махнул рукой, – древесных лягушек и отрывает им лапки. Потрошит. Живыми. И при этом хихикает и радуется, как ребенок, ломающий игрушку. Так что... держись меня, девка, или Федюня примет тебя за лягушонка. А сил оторвать тебе лапки у него хватит. Самое забавное, что он неподсуден: слишком зыбко равновесие между разумом и нежитью. Мне стоит большого труда и изрядного интеллектуального усилия удерживать его в рамках.

Федюня уже подошел и лыбился радостно и бессмысленно, продолжая глодать батон.

– Ты хорошо меня поняла, девка? – спросил Диоген.

– Да, – тихо произнесла Аля, стараясь, чтобы в голосе ее он услышал полную покорность. Да и стараться особенно не пришлось: ей было действительно жутко и от этого Феди-живодера за спиной, и от Тухлого, липко выглядывающего из-за камней... И от интеллигента Диогена, равнодушного, как доска, и властолюбивого, как гиена над падалью.

– Ну а раз так, прекрати сидеть в этой лягушачьей позе. Пошли.

Аля встала, прикрываясь ладошками, и вдруг – залилась румянцем от щек до корней волос.

– Ого! Ты не разучилась краснеть... Значит, ты лучше, чем я о тебе подумал. Нам предстоит интересно провести время. Иди вперед.

– А моя одежда?

– Мы ее подобрали.

Тропочка шла вверх, Аля поднималась, ощущая на себе облизывающий взгляд бомжа-философа. И тут – всякая застенчивость и стыдливость мигом улетучились. Не важно, кем был этот человек в прошлой жизни; он мог начитать умных ученых книжек, он мог научиться говорить массу правильных слов, но сутью его всегда было одно: грязный бродяга с помойки! Ему не хватило ни ума, ни характера кем-то стать в том мире, и он решил опуститься вниз, чтобы получить вожеленный кусок власти здесь; пусть это власть над вонючим старичком и жестоким олигофреном, но Глеб Валерианович получает от нее свое полное удовольствие. Сейчас этого словоблудного вожденка возбуждает власть, как возбуждала бы плеть, и он сделает все, чтобы подчинить девушку этой власти.

Аля сосредоточилась на том, чтобы не напороться на острые обломки камней, которые здесь в изобилии. И все же споткнулась, упала на четвереньки и тут же почувствовала руку помойного фюрера, оглаживающего ее ягодицы. Волна омерзения судорогой прошла по мышцам, спина мгновенно покрылась гусиной кожей. Диоген понял по-своему.

– А ты невероятно чувственна, девка... – хрипло произнес он, и от этого хрипа ей стало не по себе: это было совсем не похоже даже на извращенную страсть. – А вот и наше обиталище, – по-царски повел рукой Диоген.

За грудой кое-как сложенных наподобие забора камней на четырех деревянных стойках громоздилось нечто вроде навеса из камыша. Аля разглядела три грязных лежака, чуть поодаль – остатки кострища. Над ним – украденный где-то татарский казан, в котором плескались остатки варева.

Мозг Али работал лихорадочно. Что ее ждет дальше? Что предпримет Диоген Валерьяныч, чтобы оставить ее здесь в этом логове? Сколько он намерен забавляться с нею? День,

неделю, месяц? Чтобы оставить ее здесь и быть уверенным, что девушка не сбежит, Диоген должен ее сломать. Как? Изобьет? Вряд ли: не захочет портить новую «игрушку». Отдаст на потребу Тухлому или Федюне?

Возможно, но потом: власть, любая власть, ревнива и не желает ничем делиться. И Федюне на расправу тоже отдаст потом. Чтобы не нашел никто и никогда. От таких мыслей кожа снова пошла гусиным ознобом; невероятным усилием воли девушка заставила себя загнать страхи глубоко, в те тайные, черные закоулки души, в которые не каждый из живущих отваживается заглянуть за жизнь. Именно там у нее хранились воспоминания и о родителях, сгоревших в автомобиле, и обо всем том, что было пережито в детстве и совсем недавно.

Аля прикусила губу, лоб собрался морщинками; страхи отшли, осталась одна задача, ясная, как июньский полдень: выбраться!

Собраться с духом – и бежать! Сейчас! Немедленно!

Глава 17

Бежать. Но для этого нужно заполучить обратно одежду и кроссовки. Босиком не уйти, догонят: острые обломки камней под ногами остановят быстрее и надежнее волчьего капкана.

А Диоген Лампадович, видимо почувствовав себя совершенно дома среди камышовых изгородей, непринужденно сбросил халат и остался в измятых трусах цвета вареной моркови, расплзающихся по ниткам от ветхости. Дряблое тело его было «украшено» рахитичным пузцом, а на груди «эротично» курчавились три седых волоска. «У кого бока крутые, как бы раздутые, – болтуны и пустословы; это соотносится с волами и лягушками», – неожиданно вспомнилось Але из Аристотеля.

Ну а запахшибанул такой, что она мгновенно поняла: стоит ей только приблизиться к этому умничающему рахитику, как ее непременно вывернет наизнанку от полного отвращения! И приказать себе она не сможет: природа мудра, запланировав в подсознании безусловное отторжение таких особей мужеска пола: жизнь так защищается от воспроизводства на Божий свет дегенератов.

И тут у Али будто картинка вспыхнула разом! Она увидела всю жизнь этого колченогого субъекта: пропахшее луковым супом и грязными носками детство, с вечным подсчитыванием копеек и вечным же «нельзя», женитьба «по залету» не на той, что нравилась, а на той, что сама подлезла на пьяной вечеринке; оружие нелюбимые дети; разом расплзшаяся жена, состоящая будто из трех частей – необъемного чрева, широкой, жирной спины и волосатой бородавки на щеке; тихое пьянство с умничавшими технарями, преферанс по копейке, пугливые возвращения домой, побои, выросшие детки, презирующие нищего отца, гундения на власть, снова побои и, как результат, – пропахшая луковым супом и грязными носками жизнь!

И что? Жалеть теперь этого сбрендившего бедолагу? Кто заставлял его жить так, а не иначе? Партия и правительство? Демократы-реформаторы? Или он сам, боящийся жизни хуже смерти? Доведший свое от природы жалкое тело до состояния, при котором оно вызывает только отвращение и брезгливость! И каков был выход?

Только один: сбрендить! Мужичонка, Диоген Лаэртovich, и сбрендил! Поплыл по фазе по шизушному типу, через пень колоду! Ну а в дураках кормить таких нынче – полный напряг, а ловить, если сбегут, – вообще никому не нужно! Вот и подорвали убогие, оба-трое! Причем один – смутный старикашка-пачкун, другой – жестокий debil с разумом трехлетки и третий – одержимый комплексом власти, недобитый реформами, недолеченный в дурдоме совковый интеллигент!

Для нее стало вдруг ясно все – даже эта убогая камилавка на башке: когда-то от «Мастера и Маргариты» все эти интеллектуалы-маргиналы тащились, как удавы по пачке дуста! Вот мужичка и вообразил себя, в придачу к Диогену Синопскому, еще и Мастером! Почему нет? Чтобы рассказать о том, как «в белом плаще с кровавым подбоем» шествует среди цветущих роз дворца одержимый головной болью и одиночеством прокуратор Иудеи Понтий Пилат, – это нужно постигнуть; на то, чтобы в тщеславном безумии возвести себя в Мастера, – не нужно ничего, кроме засаленной шапочки!

Мысли эти мелькнули скоро, как вспышка блица. «Хватит думать! – приказала себе девушка. – Действуй!» Одним взглядом она окинула «жилище» доходяг: вот они, ее кроссовочки, с запровавленными в них носками, как она оставила. Добраться бы до них!

– Совершенно обнаженной ты выглядишь совсем не эротично, – прервал ее размышление философ в мятых подштанниках. – Если политика – это искусство возможного, то секс – искусство невозможного! И предполагает тем самым получение удовольствия от тех эротических деталей, которые и составляют изюминку действия.

«Батюшки мои, а мы еще и секс-инструктор вдобавок ко всему», – раздраженно-насмешливо подумала Аля, но тут вдруг поняла: это ее шанс. Она округлила глаза, провела кончиком языка по спекшимся от жары и жажды губам, произнесла тихо:

– Ты прав, Мастер. – Увидев, как вздрогнул разом Ва-лерьяныч, добавила:

– Позволь мне одеться. Чтобы я могла раздеться снова, но для тебя, для тебя одного...

Вот черт! Шизуха тиха и непонятна! Вместо того чтобы поплыть по предложенной волне и зажечься «страстью во взоре», этот Диоген-махинатор вдруг застыл, как перешибленный плетью обух, а глазки забегали подозрительно и шустро, будто тараканы по коробке.

– Ты хочешь одеться, чтобы сбежать... Я знаю... Ну интуитор, ходить ему конем! А заловила бы его сейчас старушонка Яга, да требовала бы художественного секса с вывертами – ему как, захотелось бы мурцевать бабку до полной потери мужеских сил?

– О, Мастер, ты и не представляешь, как я мечтала о тебе, – с холодком в груди продолжала нести околесицу Аля: а что делать? – Позволь мне...

– Нет, – перебил ее шизик. – Ты наденешь только носочки. Они белые, и красиво оттенят твой загар.

– Как скажешь, мой господин...

– Наденешь и поползешь ко мне, на коленях, выгибая спину, облизывая губы... – продолжал выдавать куцые сексуальные фантазии колченогий секс-символ.

– Как скажешь... – тихо прошептала Аля, подошла к вороху одежды, гибко нагнулась, натянула носочек, другой... Притом успевала следить за обстановкой:

Тухлый прикинулся ветошью за камышовым плетнем и, судя по ритмично подергивавшемуся плетню, пытался довести свое мужеское естество «до полного и глубокого»... Федюня стоял столбом, меланхолично пережевывая остатки булки; смысла происходящего он не понимал, но от этого не становился менее опасным: словно работающий вполне адекватно робот, которому всегда можно дать любую команду-приказание.

– На колени! – услышала она повелительный голос Валерьяныча, оглянулась: вот теперь она была точно уверена, что он чокнутый, сбрендивший на всю голову: глазки превратились в буравчики, острая борода топорщилась по-козлиному, делая бомжа похожим на неудавшуюся статую Феликса Железного. Аля глянула на бессильно опадающие мятые трусы Диогена, потом заметила, что правую руку он тщательно хоронит за спиной, и... тут ей стало жутко по-настоящему: ведь этот карикатурный маньяк бессилен, как тухлое болото, и сейчас, как только он доведет выдуманный больной психикой спектакль до ожидаемой кульминации, убьет ее! В мозгу заунывно, будто под аккомпанемент чухонского инструмента, занудила детская считалка-страшилка:

«Пришла весна, и некрофилы достали заступы и вилы!» Что он там сжал в руке? Нож? Молоток? Отвертку? Как только она приблизится к нему, он ударит!

– Ползи ко мне! – срывающимся на истерику голосом прокричал Диоген Валерьяныч. Аля отметила, что его колотит нешуточная дрожь...

– Сейчас, дорогой... – Одним движением Аля вставила ноги в кроссовки, кое-как захлестнула шнурки, схватила свитер...

– Так вот ты как! – Диоген ринулся на нее: в руке у него был зажат столовый топорик, каким разделяют телячьи ножки и отшлепывают отбивные.

Ни выбирать, ни что-то рассчитывать времени уже не было; девушка швырнула свитер в лицо набегающему бомжу, ослепив на мгновение, крутнулась на месте и впечатала пятку ему в пах. Диоген завалился на бок, снопом; Федюня, с бессмысленной слюнявой улыбкой, раззявил руки, словно играл с нею в пятнашки.

Аля поднырнула ему под руку и кинулась бежать без оглядки.

– Федя, догони! Она украла еду! Убей! – услышала Аля визгливый вопль Диогена, обернувшись на бегу: Федюня, со странным для его комплекции проворством, перемахнул рядом уложенные камни и ринулся вниз по тропе, за ней.

На лице его была решимость: такого могла остановить только пуля, да что пуля – заряд картечи, способный разметать эту гору безмозглого мяса. Аля неслась, не думая ни о чем, перескакивая попадавшие россыпи камней. Федюня настигал: громадными ботинками он с хрустом дробил попадавшие под ноги завалы; лицо его походило на маску, застывшую в нечеловеческой ненависти.

Узенький песчаный пляж был уже рядом; там он ее не догонит, она на ногу легче! И тут правая лодыжка зашлась острой болью: Аля подвернула ногу, с маху упала, царапая об острые камни колени. Федюня тоже не успел остановиться: рухнул было на нее всей тушей. Каким-то чудом Але удалось увернуться, она вскочила на ноги, сделала шаг, Другой – больно; поняла – не убежать, оглянулась: мастодонт тоже был на ногах, готовый достать ее одним рывком.

Море плеснуло прибойной волной, окатив девушку с головы до пят. Ни о чем не рассуждая, Аля побежала за волной, чуть припадая на больную ногу, и, как только вода дошла до бедер, стала сковывать движения, бросилась рыбкой.

Вынырнула, мельком оглянулась: Федюня носился по прибрежной кромке, показывал на нее пальцем и ревел-выкрикивал что-то бессвязное: он не умел плавать! Аля приободрилась, легла на воду и быстро поплыла от берега к далекой, недостижимой линии горизонта.

Сколько она проплыла, девушка не могла вспомнить. Помнила только, что боялась приближаться к берегу ближе чем на пятьдесят метров; так и плыла вдоль, обогнула расставленные рыбацьи сети, потом – какие-то железные сваи, проржавевшие, вбитые непонятно когда и непонятно для чего... Солнце уже клонилось к закату, когда Аля рискнула выбраться на берег.

Берег здесь был совсем другой: повсюду на песке попадались пустые пластиковые бутылки, обеды, остатки фруктов. Судя по всему, неподалеку был пансионат. Но сейчас пляж абсолютно пустынен. Где-то милях в пяти, за очередным поворотом берега, она заметила и полосатые «грибочки», казавшиеся отсюда клочками материи.

На крохотный пляжик Аля выползла на четвереньках. Сначала минут двадцать просто лежала ничком на прогретом за день песке: море теплое летом только для отдыхающих. Для терпящих бедствие пловцов оно становится ледяным уже через час-полтора, сводит судорогой мышцы, тянет камнем ко дну. Девушка лежала недвижно; какие-то бессмысленные, бредовые видения пробегали в мозгу, заставляя Алю время от времени вскакивать и дико озираться по сторонам: то ей казалось, что она еще в море и сейчас пойдет ко дну, то слышались тяжкие, хрусткие шаги убогого лягушачьего палача Федюни, то чудился скрежет гальки под тяжестью преследующих ее «лендроверов»...

Кое-как очнувшись от забытья Аля почувствовала боль в желудке. Да и в горле словно царапало наждаком. Будто обезумевший звереныш, девушка поползла по берегу, напряженно и быстро осматривая все вокруг: вот! Брошенный, наполовину съеденный арбуз! Кто-то лениво выковыривал ножом остатки мякоти, да так и бросил. Девушка схватила зеленую корку, выпила остатки жижи и начала грызть, поедая все целиком. Привкус показался ей странным, но жажда вмиг сделалась совершенно нестерпимой, и девушка продолжала вгрызаться в корку. И тут – почувствовала, что опьянела. Да не просто опьянела – она была пьяна в стельку!

Какое-то воспоминание мелькнуло... Ну да, это был коньяк! Новые богатые не все от сохи и из спальных районов; иные способны и на чудачества; залить в арбуз пару бутылок отборного коньяку, дать настояться и приступить к освежающей трапезе в полное свое удовольствие.

Аля обнаружила, что упорно ползет вверх по склону. Пить уже не хотелось.

Она пропахала кое-как еще метров двадцать по сухой, выбеленной солнцем траве, устилавшей здесь берег сплошным ковром, скатилась в какую-то ямку, свернулась клубочком. Ей

стало тепло: сухая трава укрывала сверху, да и земля за день прогрелась и теперь отдавала тепло.

Аля лежала, не думая ни о чем, в висках пульсировало тяжело и гулко. А девушкой вдруг овладела полная безнадега.

Весь ее мир, вся жизнь оказалась где-то за пределами ее теперешнего существования... Ничего нет и будто не было никогда: ни Олега, ни агентства, ни дома. Вот она лежит сейчас в траве, смертельно усталая, нагая, несчастная, с разодранными коленками, и помочь ей некому, и идти некуда и незачем. Где-то там, в большом мире, на нее уже объявлена охота, и гончие псы станут гнать ее, пока не загонят насмерть. И никто, никто не захочет ей помочь: таковы люди. То благосостояние, какое они имеют, кажется им незыблемым, почти вечным, данностью, которую можно потерять лишь заразившись от таких, как она, бесприютных и неприкажных нищетой и отчаянием... Вот потому люди и городят вокруг домов бетонные заборы и вокруг сердец – непроницаемые стены равнодушия.

Але вдруг вспомнилась маленькая курчавая собачонка в метро. Она была беспородная и ласковая; сновала между ног, лизала руки случайным пассажирам: ну приласкайте меня, полюбите, возьмите с собой, пусть я стану вашей, я добрая игрушка, я вам пригожусь... И некоторые гладили, другие отламывали кусочки колбасы... Собачка нервно нюхала пищу, но не ела: вылизывала руки, заглядывала в глаза...

Эта потерянная, брошенная псинка знала то, что Аля поняла только теперь: она не выживет одна в этом равнодушном мире, нет у нее клыков, чтобы отстоять свое место в дикой стае, нет мощных лап и крутого подшерстка, чтобы не погибнуть от голода и холода. Она способна только к одному: любить, и поэтому нет ей места на всей земле... А погибать ей так не хотелось, ведь она еще не успела отдать свою любовь тем, кто в ней так нуждался...

Аля чувствовала, как слезы катятся по лицу, но от этого становилось легче.

Она плакала и плакала, не в силах больше ни о чем думать. А потом согрелась и уснула.

Глава 18

Проснулась она ночью. На небе сияли крупные, близкие южные звезды.

Какое-то время она лежала без движения, просто глядя в ночное небо, и ей вдруг стало жутковато: показалось, что стоит только пошевелиться – и она упадет туда, в эту звездную россыпь... Или – просто полетит, как вольная птица, в теплых восходящих потоках. Но эта чарующая жуть ничего общего не имела со страхом: было в ней ощущение, что человек не просто песчинка мироздания, что он всемогущ и бессмертен, как звезда, как вселенная. «И создал Господь человека, мужчину и женщину, по Своему образу, по Своему подобию создал их...» Всесилен и бессмертен... Окружающая жизнь показалась вдруг Але несущественной и мнимой, и почудилось, что здесь она просто временный, нежеланный гость, что раньше она жила в другом мире, в другой стране, где смерть так же неестественна, как неприютность, нищета и убожество, где гибель человека воспринимается как гибель вселенной, как мировая трагедия, как всеобщая скорбь, и люди предпринимают все возможное, чтобы такого не повторилось больше нигде и никогда.

...Девушка повернулась и почувствовала ломоту во всем теле. Болела обожженная кожа спины и плеч, ныли все мышцы. Горло, и без того наждачное от жажды и соленой воды, обложилось еще и простудой: почти пятичасовое пребывание в воде дало себя знать. Теперь девушку колотил озноб. Аля кое-как встала, спустилась на пляж. В ночном воздухе разносились упругие звуки: где-то в пансионате бушевала дискотека. Девушка наморщила лоб, стараясь удержать вялые, медленные, но все равно ускользающие мысли. В пансионате? Да. В том, другом мире. В который ей нет возврата: скорее всего, ее пристрелит первый же охранник покойного Романа Ландерса. Потому что кто-то задумал все именно так.

Девушка прикусила губу, но слез больше не было. Нужно было идти. Аля перешнуровала кроссовки, высохшие прямо на ногах. Собственная нагота ее не смущала: не было в мире вокруг ничего, кроме моря, края земли и звезд.

Идти? Куда? А, все равно. Идти лучше, чем бежать. От голода, жажды, солнца, простуды, одиночества...

И Аля пошла. Ей было холодно. Опаленное за день жгучим солнцем тело теперь сотрясал озноб. Девушка прибавила шагу, потом перешла на бег. Там, вдали, небо расчерчивали прожектора дискотечных юпитеров, воздух то упруго сжимался, то разжимался, подчиняясь ритму, несущемуся из мощных динамиков:

Гаснет в зале свет, и снова Я смотрю на сцену отрешенно...

Видно, кто-то из диск-жокеев уважал ретро. Или – выполнял заказ. Заказ.

Заказ. Кто заказал Романа Ландерса? Кто заказал ее, Алю Егорову? Куда она бежит?

Во тьме Аля увидела тлеющие огоньки сигарет. Повернулась, пошла прямо на них. Разглядела во тьме двоих: парня и девушку. Они сидели тесно прижавшись друг к другу.

– Ого! – воскликнул парень.

– Прекрати на нее пялиться! – осекла его девушка.

– Да что тут разглядишь, в темноте?

– Ты разглядишь! Подруга, тебе что надо?

Аля стояла, смутно различая во тьме белые лица.

– Чего молчишь? Ширнутая, что ли?

– Танька, прекращай наезжать на девку... – Поговори еще, блудень, – не унималась Татьяна. – Ты чего голышом слоняешься? Хахаля ищешь?

Аля молчала. Горло пересохло, наплыло ангиной так, что она не могла вымолвить ни слова.

– Да погоди, Танька, видишь, не в себе девка.

– Эт-точно! Наширялась до чертей, вот и бродит голая по берегу, ищет приключений на свою щель! А кто ищет, тот найдет. Чего стала, болезная? Где трусики потеряла?

– Может, ей пива дать?

– Ага, а потом под одеялку пригласи, кобель!

– Танька, не будь стервой! Девка дрожит вся. У нас кофе в термосе остался?

– Прекрати на нее пялиться, Вован! Нашел тоже Афродиту: худая, как макаронина! Ну, налей этой спидозной кофей! Да потом чашку спиртом отмывать придется!

Парень, не слушая визгливые выкрики подруги, встал, нашел термос, налил полную крышку кофе, протянул Але:

– Горячий, с ромом, будешь? Аля кивнула.

– Ну вот. Завязывается любовь и дружба, – досадливо откомментировала деваха. Она тоже встала – полногрудая, загорелая, неспешно завязала тесемки бюстгальтера, еще раз окинула Алю уничтожающим взглядом, бросила ей полотенце:

– Прикройся хоть, шалава. И вот что я тебе скажу: попила кофе и отвалила, поняла? Или пожалеешь.

Парень, которого подруга называла Вован, был вовсе на «Вована» не похож: худощавый, тонкокостный, гибкий, с пшеничной густой шевелюрой и пальцами музыканта; наверное, отдыхающий, «компьютерный мальчик из столицы», коего и захомотала провинциальная дива: будет что вспомнить тоскливой, дождливой зимой.

Аля одной рукой прижала к груди полотенце, другой держала крышечку с кофе, осторожно прихлебывая.

– Ну все? Закончила? – нетерпеливо подначила Алю девица.

– Танька, прекрати.

– Да? Много ты понимаешь в девках, Володенька! Да на ней, поди, уже весь пляж отдохнул и расслабился! Ты на глазищи посмотри!

– А что, красивые...

– Красивые? Да она героину выжрала кило! Красивые... Вали отсюда, девка!

– Тань, зачем ты так...

– Да? Хочешь, вали с ней, про-грам-мист! Только не забудь резинку на пенис, да на каждый палец в особенности! От СПИДа не лечат!

– Таня...

– Что – Таня? Что губищи-то раскатал, как Минфин на Валютный фонд? Ничего ты здесь не слышишь, окромя заразы!

– Таня... Ну все...

– Спасибо. Я пойду, – тихо прошептала Аля, протягивая пустую крышку. – Спасибо.

Она наклонилась, положила полотенце на песок, пошла прочь.

– С собой эту тряпку заberi, после тебя не отстираешь! – услышала вслед визгливый голос дивы, почувствовала навернувшиеся на глаза слезы, выдохнула – и побежала. Что, теперь ее всегда будут отовсюду гнать, как шелудивого пса?

Постепенно она успокоилась. Ревность – штука всеобщая, и осуждать эту Таню... Нет, не за что. Даже приятно: невзирая на все, рухнувшее на ее голову за последние сутки, к ней еще ревнуют. А кофе был хороший, крепкий. Видно, дива оч-ч-чень желала понравиться пареньку. Во всем.

Впереди слышала музыку, выкрики. Сбавила шаг. Играл переносной магнитофон. Что-то очень старое, почти забытое. «Я еду к морю, я еду к ласковой волне...» Аля пригляделась: молодежь радуется жизни. Ну да, она так и подумала:

«молодежь». Порой девушке казалось, что она прожила уже две-три жизни, и нынешняя – не самая удачная. Человек пять-семь, парни и девчонки, резвились в теплом ночном море.

Заметила на песке светлячок сигареты: обнаженная девушка, пьяная вдребадан, полулежала на покрывале, пытаясь подпевать орущему кассетнику.

Прихлебывая вино из бутылки, она подняла голову, посмотрела невидяще на Алю:

– Верка... где ты бродишь... Все... купаются...

Недолго думая, Аля подхватила с земли суконное одеяло, набросила на себя; подняла непечатую пластиковую бутылку минеральной, сигарету, спички. Поискала глазами, углядела ножку разодранной копченой курицы, кусок хлеба, взяла и их.

– Верка... Давай вмажем... Тут еще водки полбутылки...

– Потом...

– Ты с Мишкой была, да?.. Аля пробурчала невнятное.

– Ну и фиг с ним. Тогда я Толика забираю. Чтоб без обид.

Аля промолчала, тихонько удаляясь.

– Ты куда направилась-то?..

Аля сделала неопределенный жест плечами, прибавила шаг, стараясь, чтобы не свалилось одеяло.

– В восемнадцатую не суйся... – пьяно выкрикнула напоследок девица. – Там Вадик с Наташкой... уе... уединился.

Последнее слово явно вымотало девушку, она приложила к бутылке с вином, допила, отбросила и беспамятно завалилась на покрывало.

Аля прошла еще метров двести, пока перестали слышаться выкрики гуляющей молодежи, обессиленно опустилась на камень. Первым делом отвинтила пробку с минералки, прильнула ртом; тело мгновенно оросилось бисеринками пота; желудок, казалось, лопнет. Аля отвела руку, посмотрела-а отпила-то всего ничего, меньше стакана. Хотела переждать – не тут-то было: рука сама поднесла бутылку ко рту, и девушка продолжала глотать до полного изнеможения. Передохнула, опьяненная водой, и принялась за куриную ножку, торопясь, почти не пережевывая. Желудок отозвался тупой болью, словно туда набросали булыжников; и немудрено: последний раз она ела сутки назад... Сутки? Але порой казалось, что это было совсем в другой жизни.

Прилегла, вставила в рот сигарету, чиркнула спичкой. Жадно затянулась, ощущая, как плывет голова. Хм... Да она стала настоящей бомжихой: ворует сигареты, еду, одеяла. Теперь надо как-то раздобыть хоть какую-то одежду. Ночью все кошки серы, а вот утром голышом на людном пляже ей будет совсем невесело: какие-нибудь шахтеры-монтеры выведут своих матрон на пляжный променанд – и охренеют. Самое маленькое, что ее ждет, – это встреча со здешней милицией, которой она боялась хуже чумы. А поэтому... Нужно идти в зверинец, именуемый пансионатом, и красть одежду. Хорошо бы еще и деньги. Но это – как повезет. Ибо полного счастья нет нигде, даже в Крыму.

По дорожке к пансионату она поднималась легко. Почувствовала запах цветущих роз; плотнее закуталась в одеяло: если кто и встретится сейчас, кого удивит девчонка, возвращающаяся с ночных увеселений на морском берегу?

Ага. Слева пансионат под оригинальным названием «Морской». Справа – под не менее оригинальным «Голубая волна». «Морской» поосновательней: окружен новеньким сетчатым забором, территория ухожена, на стоянке, внутри, несколько джипов и «мерсов» с московскими и княжинскими номерами. Клумбы усажены розами. Окна забраны, как парижские мансарды, деревянными решетчатыми ставнями. У входа будка, в ней скучает привратник. У ног его отдыхает коричневый, лоснящийся в люминесцентном свете доберман. Лучше туда не соваться.

А вот «Голубая волна» попроще и рангом пожиже. Да и название придумал кто-то еще в те незабвенные времена, когда слово «голубой» у всех нормальных людей ассоциировалось с цветом неба, а не с сексуальной ориентацией... Дощатая калитка была распахнута; внутри тер-

ритории – обычные щитовые домики, кое-как крашенные синей, местами уже облупившейся краской. На всю территорию – всего два допотопных желтых фонаря. Несколько домиков, судя по всему, пустуют. На верандах натянуты веревки: сушится белье. Вперед.

Аля прошла калитку. Откуда ни возьмись появились три лобастые рыжие собаки, молча окружили; та, что крупнее, подошла к Але, понюхала, едва заметно вильнула хвостом и исчезла в темноте. Вот повезло: одеяло здешнее, собачки признали за свою, и это внушает пусть маленькую, но надежду.

Тенью Аля прошла несколько обитаемых домиков, увидела в одном приотворенную дверь; на бельевой веревке висел спортивный костюм-эластик – то, что нужно! Девушка осторожно поднялась по ступенькам, тихонечко, стараясь, чтобы не скрипнули разошедшиеся половицы веранды, подошла к веревке, протянула руку сдернуть штаны – и услышала позади:

– Ты чего там крадешься, девка?

Глава 19

Дородная казачка лет тридцати пяти стояла чуть поодаль, подбоченясь, наклонив набок обитую толстой косой голову, и, насмешливо сложив полные губы, смотрела на Алю. От окрика девушка повернулась, одеяло комком упало к ногам.

– Да она еще и голая, прости Господи, – озадаченно сказала казачка и добавила повелительно:

– А ну-ка, прикрой срамоту, да пойдем погутарим, с чего здесь ходишь телешом, когда люди добрые спят, да с кем валандаешься, коли тебя выпустили так вот, в чем мать родила! Ну?

Аля наклонилась, снова закуталась в одеяло, спустилась с крыльца.

– Да на тебе, девка, лица нет! Или случилось чего? – озабоченно глянула казачка. Поднесла руку, потрогала лоб:

– Даты вся горишь! Пойдем-ка.

Аля устала. Ей не хотелось ничего говорить, ни от кого бегать, ей хотелось просто согреться и замереть: стать невидимой, неслышной, как гераниевый листочек между страничек гербария. И уже там – отоспаться вволю. А завтра... Если, конечно, у нее есть хоть какое-то завтра.

Женщина провела ее в один из домиков, притворила дверь, зажгла свет.

Поставила на плитку чайник, сказала:

– Присаживайся. – Помолчала, добавила:

– Выглядишь так, будто за тобой сутки черти гонялись.

Аля скосила глаза, увидела зеркало на телевизоре, но подходить к нему не стала: к чему расстраиваться и по этому поводу?

– А руки у тебя чистые...

– Что? – Аля посмотрела на женщину.

– Руки, говорю, чистые. Ни одной «трассы». Тогда – чего? Таблетки глотаешь? Нюхаешь? Куришь?

Слова ее звучали для Али глухо, будто где-то вдалеке ударяли в большой бубен, и смысл этих слов доходил до девушки невнятно, словно через тяжелую войлочную завесу. Она еще раз оглядела убранство комнатки: уютно.

– Чего смотришь? Управляющая я здешняя, вроде коменданта. Зимой приглядываю, чтобы пансионат этот бедолажный не спалили к едрене фене, летом – за порядком слежу. Цены у нас низехонькие, потому и публика, отдыхающие в смысле, разнузданные, что кони на первом выгоне. И шлындры здесь такие чкаются, что... А ведь ты нездешняя, а, девка?

Аля помотала головой.

– То-то. Всех тутошних свиристелок я наперечет знаю. Из Южногорска?

– Нет.

– А чего голая? Девушка промолчала.

– Видать, хахаль какой привез, да позлобствовал, на потеху пустил...

Чтобы, значит, со всей сворой его перенюхалась. Нет?

– Почти.

– Не переживай шибко, не ты первая. Впредь умнее будешь. Это елдыкинские любят: есть у них кавалер такой справный, сутенер, Вадимом звать, красив, как Леонардо этот ди Каприо, хотя – с чего девки по нем сохнут, ума не приложу, ни тела, ни вида, ни характеру в мужике не видать... Так вот, Вадим этот какую простушку подберет, сначала вино шампанское, хиханьки-хаханьки, розы-мимозы... А потом завезет, всей кодлой девку оттатарят, чтобы была как шелковая, и – пожалте монету для шпаны чекань этим самым местом, пока не расплющится. Не Вадим был, твой-то?

– Нет. Никита.

– Таких не знаю. Видать, из плейбоев новых, эти похлеще любых бакланов будут, мало что над девками изгаляются, еще и поуродовать могут. Сбежала? Да ты не ерзай, я не выдам. Вон кроссовки-то об камни да об ракушки посеклись, видать, по берегу спасалась от полюбовника. Или от дружков его. Так?

– Сначала вплавь.

– И долго чупахалась?

– Не помню. Несколько часов.

– Ополоумела девка! Очумела наовсе! Да этак воспаление легких схватить – раз плюнуть! А сейчас микроб пошел вреднючий, никакой антибиотик не берет! Оно надо, так убиваться?

Аля только беспомощно пожала плечами. Подумала лишь, что тетка – никакая не казачка: говор не тот. Откуда-то из России.

– Во-о-от. Вы, девки нынешние, в этой жизни шику хотите. Шоу, рестораны, курорты. И – получаете, полной ложкою. Звать тебя как?

– Аля.

– Аля? Чудное имя.

– Алена. Лена.

– Во-о-т. Так привычнее. А то – Аля. Хотя... Любят путанки себе чудные имена выдумывать: Анжела, Виктория, Валерия... Одна шлюшка в прошлый год жила, манька манькой, а называлась – Ада, Аделаида, значит. Почто? – Женщина помолчала, словно ожидая возражений, не дождалась, продолжала:

– Аля, значит. А меня Ксенией называй. А попроче – Ксюха. Ну а еще попроче – Ксения Константиновна.

Ксения Константиновна встала, сняла закипающий чайник, разлила в пухлые белые чашки, достала несколько булочек, колбасу, шоколадку, сахар. Минут десять молчала, смотрела, как Аля жадно набросилась на нехитрую снедь. Достала сигареты:

– Куришь?

– Иногда.

– Ну и не стесняйся.

Щелкнула кремнем зажигалки, затянулась, щурясь от дыма:

– А ты вовсе не пацанка. Сначала я подумала – девка сопливая, малолетка, а пригляделась... Глаза у тебя усталые. Так откуда будешь, красавица?

Аля неопределенно махнула рукой в воздухе:

– С севера.

– Ты, девка, не темни. Тут все с севера, потому что южнее – только Турция.

Чего дальше делать станешь? Ладно, понимаю. Штаны и куртку стянуть хотела? Тоже понимаю: не ходить же нагишом. Ну а дальше что? Денег нет? Документов нет? Вся как есть красавица – неглиже в одеяле. А одеяло, между прочим, тоже казенное. Да ты не лякайся, девка, я тебя туркам продавать не собираюсь и под местных «зверей» укладывать тоже: не того ты поля ягода. – Ксения помолчала, предложила:

– Вина выпьешь?

Аля пожала плечами.

– Или – чачи виноградной? Не с рынка, мне хорошую привозят, для себя. Да и нужно тебе: глянть, горишь вся! Да не бойсь: никуда я тебя в ночь гнать не стану, найду место. Отоспишься, а там – видно будет. Утро вечера мудренее.

Ксения разлила чачу по литым пузатым стопкам, предупредила:

– Только ты разом давай и, дух не переводя, вон, помидорчиком заешь, сливой или запей чем. Ну, за знакомство?

Аля кивнула. Выпила стопку глотком, разжевала сочную сливу. Голова поплыла мгновенно.

– Ну? Поехала бестолковка? Это с непривычки да с устатку. Теперь кипяточку похлебай, и вся простуда выйдет. Проверено. – Ксения устремила проясневший взгляд вдаль. – А я свыклась. Жизнь такая. – Помолчала, закурила сигарету:

– Такая вот одинокая, бабья да непутевая. Ты вот думаешь-недоумеваешь, чего я тебя чаем угощаю да водкою пою... Какая мне в том корысть? А потому, девка, что сама в этой жизни натерпелась хуже горького, вот и жалко мне всех непутевых. Главное в нашей жизни не озлиться. Озлилась – пиши пропало. И судьбина по такой наклонной покатится, что уже не остановить. – Ксения вздохнула тяжело:

– Вот ты думаешь, чего я здесь кантуюсь? Летом – еще ничего, отдыхающие, жизнь ключом, а осенью? Зимой? Ветер мокрый, сырой, и тоска такая, что даже вешаться лень! А в городах больших, в них что, легче? Все рыскают пропитания, словно брошенные собаки, и всем на всех наплевать! Я знаешь где раньше жила? В Навои. Город такой в Узбекистане. Там, считай, русские одни жили. И город был славный, теплый, зеленый... А потом – началось. Перестройка, перестрелка... Не, узбеки народ добрый я к нам сочувственный, и новые баи вовсе не хотели, чтобы русские уезжали: работать кому? Да в любой семье не без уroda, а в наше время уроды повсюду плодятся быстрее других, как крысы после Чернобыля: злые, здоровые, и ничего в них не осталось человеческого. А мне тогда двадцать восемь всего было.

Благоверный мой счастье командировочное с какой-то бабенкой из Рязани нашел: пусть дебелия да глупая, как пингвин, а щи варит, и жилплощади у нее аж три комнаты.

Попервоначалу я не отчаивалась – напротив, пустилась во все тяжкие! А что?

Десять лет назад чего мне, в соку баба, в самом что ни на есть! И – понеслась «веселая жизнь»! «В городе Сочи темные ночи, темные, темные, темные...» Ну да:

Сочи, Адлер, Ялта, Пицунда, Судак, Одесса... Четыре года болтало меня, как ненормальную, и мужики вроде попадались стоящие, денежные, да пропадали все, как в омут! Одного – застрелили, другой – в Немеtчину укатил, да там и остался, третий – пропал пропадом, как не было... А я – знай гулевала, как проклятая!

Пока однажды не влетела спьяну в совсем плохую компанию: пацаны молодые, да злобные, вот и решили меня хором «распевать»! А я... Не знаю, что со мною стало? Как-то разом нахлынула обида за жизнь, а там еще один был совсем страшный юнец, глазки пу-у-устенькие, он возьми да хлестни меня ремнем по лицу!

Ну я и вызверилась! Пух и перья летели! Потом схватила ножик, да ну того юнца-дегенерата сечь вдоль-поперек... Кровищи было... Убить я его не убила, а порезала сильно! Что было делать? Половина тех юнцов – из семей самых что ни на есть состоятельных; ну, думаю, закатают меня в домзак на всю оставшуюся молодость!

И – побежала, солнцем палима! Пол-России объездила, и кем только не побывала: и шашлыки да чебуреки жарила в Костроме, и за бугор в Польшу да Туретчину за шмотками моталась, да не для себя, на хозяина работала; и торговала не пойми чем! Да разве нужда, коли на тебя плесенью села, быстро отстанет? И так карабкаешься, и этак, а все в той же яме с ледяными краинами! Так нигде за годы и не осела – может, доля моя такая, перекаати-поле? И беженка – вовсе не временное состояние, а болезнь душевная, когда несет тебя невесть куда, словно кто гонится за тобой...

Ксения села, облокотившись на руку, налила себе еще стопку, спросила:

– Будешь?

– Половинку если только.

Женщина выпила, как-то сразу потяжелела за столом: видно, не вторую рюмку принимала за день-ночь, и даже не пятую. Перехватила Алин скорый взгляд:

– Ты не бойсь, «синеглазкой» не стану, натура у меня крепкая. Только порой находит так вот, в безлунье, мысли всякие бегают, глупые, вздорные, а не отвяжешься от них, и поговорить не с кем здесь по душам-то... Что бабы, что мужики, живут как запряженные жвачные: абы хуже не стало. Начать им житуху свою пересказывать? Прослывешь потаскухой, а то и чем похуже. Да и как решат? С жиру баба бесится, все вроде есть у нее, а дуркует, жалобится, грех это. Я ведь здесь пять лет тому осела, сначала комендантом, за рубли нищенские, потом – из пацанов здешних «летняя мафия» сколотилась, кое-как торговать стали мелочевкой, да и мужика нашла себе, из казаков, с характером мужчина, попивает, не без греха, а добрый. И дом у него с садом свой. Чего еще желать беженке? То-то, что ничего, а томит... Нахлынет и не отпускает. Знаешь, как в песне, которую любили мои родители: «Листья падают с клена, вот и кончилось лето...» А ведь я когда-то рисовала... Цветы рисовала, потом – море... А сейчас? Разводящая-приходящая...

Не знаю. Жизнь проходит, убегает, как вода сквозь пальцы, ничего не оставляя по себе, кроме страха... страха зимней сырой тоски... Детишек бы завести, да Бог что-то не дает. Или – нагрешила много? Но я надеюсь; безнадегой и жизнь не в жизнь, надеяться надо, пропадать не хочется. Жалко пропадать.

Ксения вздохнула:

– Ладно, девка. Хватит тебя грузить, тебе своего, я чаю, по жизни досталось. Ты как в комнату зашла, да я глазищи твои увидала... А ты, знать, не озлобилась. И не надо. Отоспишься сегодня, одежду я тебе подберу, не новую, уж не обессуди, а подберу. Чутко деньжат подкину, чем богаты. Ты откуда будешь-то?

– Из Княжинска.

– А говор расейский.

– Я до четырнадцати лет в России и жила.

– Тоже пометало, видать... Ничего, девка, перебудуем. Поедешь домой, козлов этих позабудешь, а родители – простят. Ты чего лицом посмурнела, или сболтнула я что не то?

– Папа с мамой погибли. Давно. Детдомовская я.

– Беда... Живешь где или бедствуешь?

– Квартира от бабушки осталась.

– Ничего, Алена. Перемелется все. Ты, главное, не злбсья. Людей скверных, уродов всяких – сейчас шире грязи, а не они жизнь строят. Поломать кому могут, но навовсе не ломают, нет за ними силы такой. Людей держись. Тех, что людьми остались. И не пропадешь.

– Спасибо вам.

– Да Бог с тобою. Пойдем, в домик отведу, там постелено. Ой, дура я!

Погодь!

Ксения подошла к шкафу, открыла, достала запечатанный пакет:

– Держи. Здесь купальник ненадеванный, только-только позавчерась ребятишки из Турции приволокли. Подростковый, как раз по тебе будет.

– Спасибо. Я как только до Княжинска доберусь, деньги вам обязательно вышлю.

– Да ляд с ними, с деньгами. Коли появятся, да не в прореху тебе станет, так вышлешь. Ну а нет, так нет, никакой потери. А то бывает, человеки за деньгами людей не видят – вот тогда худо. Навидалась я в своей жизни тех денег, когда гулевала. Шальные, видать, были, как пришли, так и улетели, не углядеть. – Ксения застыла взглядом:

– Еще и повезло мне: шальные деньги – как шальные пули – убивают.

Через десять минут Ксения провела Алю в щитовой домик, отомкнула немудреный замок:

– Здесь все чистое постелено. Спи, девчоночка, и не о чем не страдай.

Солнце выглянет – все страхи пожжет. Утро вечера мудренее. Спи.

И Аля уснула сном легким и невесомым, как первый снег.

Глава 20

Ей снилось, что она стоит посреди огромного золотого-поля. Поля одуванчиков. Они весело таращили солнечные головки из свежей сочной зелени листьев, и девушке было радостно, как бывает в первые по-настоящему теплые дни лета: впереди так много света и солнца, что стоит ли думать о будущем? А потом поле оказалось белым. Нет, не снежным, просто белым, бескрайним и совершенно спокойным. А на лазурном небе не было солнца: оно словно светилось само собой, и длинный сияющий луч простирался сверху и гладил ее по голове...

Потом Аля поняла, что уже не спит; смотрела в дощатый потолок и пыталась понять сон. Но понимание не давалось. Вместо этого она видела грязно-оранжевый взрыв, убивший ее родителей, перекошенное жутким шрамом лицо Краса и то, как рыжая кровь рывками выплескивалась из перерезанной бутылочным остовом аорты и заливала пол черной лужицей; видела стоящего в полный рост над обрывом Маэстро; черные полы его развевающегося плаща были похожи на крылья, а вертолет, несущейся на него, изрыгающий оранжевый огонь, был подобен хищному всепожирающему всполоху... Вспомнила странные коллекции, представленные на показе... Карты Таро. Снова закрыла глаза. И почувствовала, как теплый луч продолжает гладить ее по голове... Зачем? Зачем ей было дано не просто пережить все, но и запомнить? Или кто-то вещий там, на Небесах, решил передать ей это бремя, чтобы сделать взгляд зорче, сердце – ранимее, душу – беззащитней?..

Возложил на нее особый дар, долг, и она ведома этим долгом? От непривычных и пугающих мыслей Аля устала; голову затопило мутной поволокой, и она снова уснула. Без сновидений.

Проснулась Аля чуть свет, словно что-то толкнуло ее; сердце билось часто-часто, как пойманная рыбка в руке. Холодный пот обметал лоб, будто роса – покосное поле. Аля приподнялась на постели, чуть тронула занавеску, напряженно вглядываясь в серый сумрак утра. Два автомобиля, еще распаленные быстрой ездой, размытыми силуэтами маячили у въезда на территорию базы отдыха. Але даже почудилось, что они исходят паром, как запаленные жеребцы. Рядом маячили силуэты крепких парней. Голоса их доносились приглушенно, ни слова не разобрать, но Аля поняла каким-то чутьем: за ней. Вернее, ищут ее. А вот найдут ли?..

Быстро вскочила с постели, натянула купальник, носки, зашнуровала кроссовки; вот таким видом она в курортном поселке точно никого не удивит. Даже утром: может, она бегунья-разрядница? Аля увидела себя в зеркале: от лица остались одни глаза! Они были какими-то... Ну да, похожими на глаза ребенка, слишком много увидевшего и испытывавшего в короткой своей жизни, отказавшегося понять виденное, чтобы психика не распалась в саморазрушении, но притом ничего и не забывшего.

Аля вздрогнула, чуть не юркнула под койку – дверь резко распахнулась: на пороге стояла Ксения. Лицо ее было припухшим ото сна, но глаза – встревоженными; в руке небольшой сверток.

– Вот что, Аленка. Из Южногорска приехали. По твою душу. – Женщина перевела дыхание. – И не буравь меня глазищами! Не знаю, во что ты там вляпалась, да и знать не хочу, но тебя не выдам, греха на душу не возьму. Но и ты меня не подводи, если что... – Ксения отвела взгляд в сторону. Аля поняла: она имеет в виду, если поймают... – Вот тут в свертке – одежда. Выйдешь из окна через другую комнату, ее с дороги не видно; собак я заперла, не залают. И – лети, девки, беги что есть духу: уж очень людишки эти нехорошие, что приехали.

Нашего Цыпу местного прямо с девки подняли, как есть, всклоченного, в трусах, а он и не пикнул: в глаза им заглядывает, что твой пес цепной, а был бы хвост, так и завилал бы!

Пока Ксения говорила, Аля раскрыла сверток: там был спортивный костюм-эластик, темно-зеленый, с белой полосой-кантом; натянула на себя штаны, куртку; вроде бы впору.

Ксения сунула ей в руку четыре бумажки:

– Двести рублей. Больше не могу, ты уж прости: для нас и это деньги. Беги, девчоночка, беги.

Аля кивнула, на глазах показались слезы, она попыталась поцеловать Ксению в щеку, но лишь неловко ткнулась губами; вышла в другую комнату, распахнула окно, выпрыгнула в серый сумрак утра и растворилась в предзвездной дымке.

– Да пропади она пропадом, такая жизнь! – в сердцах ругнулась Ксения, вздохнула тяжело, по-бабьи и тихонечко перекрестила светлый проем окна, – Беги, девчоночка. А Бог не выдаст.

Хоронясь за спящими щитовыми домиками, Аля подбежала к полутораметровому металлическому заборчику, символически отделяющему владения базы отдыха «Голубая волна» от остального мира, перемахнула его легко, а вот в какие веси подаваться дальше... И пошла наобум: вдоль улицы, недавно застроенной одинаковыми домами-особняками, облицованными плиткой «красный кирпич», в готовности «под крышу». На крайнем было аршинными буквами намалевано белой масляной краской:

«Продается». Знамение времени... Аля неожиданно для себя представила пеструю теперь карту СНГ в учебном школьном атласе; ну да, все правильно, не хватает только такой вот вразумляющей надписи... Впрочем, никто и не кидается и в очереди не стоит: зачем покупать, когда можно отнять, отобрать, присвоить?

Аля тряхнула головой: не хватало ей только сейчас вселенских мыслей «о судьбах страны и мира». Хотя... Аля смутно, интуитивно, но четко понимала; будь на бывшей одной шестой нерушимый порядок, не бежала бы она сейчас не пойми куда не пойми от кого с риском получить пулю. Это только кажется, что государства сами по себе, а люди – сами; государственность есть способ самоорганизации русского народа – в отличие от кланов, тейпов, племенных союзов, землячеств, религиозно-национальных общин, имеющих у других. При разрушении государства русский народ потерял куда больше других: защищенность и способность к выживанию.

Аля снова тряхнула головой. Это были не ее мысли. Она просто вспомнила мужа. И ей показалось, что все ее беды произошли как раз потому, что его не было рядом. Ничего. Как только доберется до ближайшего пункта связи, сразу позвонит Олегу. А может, он уже в Княжинске? Это было бы славно! Просто славно!

Аля почувствовала, как блаженная улыбка помимо воли заиграла на губах...

Нет, так нельзя! Только мысль о том, что кто-то в скором будущем явится и сможет решить твои проблемы, вместо тебя, – деморализует, как наркотик! Нет пока никакого будущего, есть серый утренний сумрак, есть опасные люди, готовые сграбастать ее, сделать с ней все, что угодно, не спрашивая ни у кого соизволения и ничего не опасаясь! Лучше уж думать о «странах и весях»: психика так защищается от непосредственной опасности, пережигая страх.

Автомобиль вынырнул из сумрака, сияя противотуманными фарами, похожий на желтоглазое чудовище. Почему Аля не расслышала работающего мотора, почему не метнулась на обочину, не растворилась в жухлой траве?! Влажный морской воздух сыграл с ней скверную шутку: шум мотора она слышала, но доносился он вроде совсем с другой стороны, откуда-то слева и сзади, и, казалось, удалялся. И вот теперь машина мчалась прямо на нее, и на узкой улочке разминуться с ней было немыслимо, невозможно! Девушка улыбнулась беззаботно-вымученной улыбкой, походка ее враз сделалась расслабленно-вихлявой: не вполне протрезвевшая потаскушка возвращается от ночных приморских увеселений в лоно благонравия, усталая, но довольная, как писали в школьных сочинениях. Аля чуть отступила на обочину, пропуская машину. Джип замедлил ход и остановился. Задняя дверца приоткрылась.

– Эй, лялька, покататься не хочешь?

Аля осклабилась как можно глупее и похабнее, захихикала.

– Да прекращай, Сазон, видишь, эта накаталась уже! Поди, не одну палку за ночь седлала, а?

Аля снова не ответила, побоялась, что нездешний акцент выдаст ее с головой. Только загыгыкала еще глупее: если играть «я у мамы дурочка», то пусть решат, что полная! Идиоток братки сторонятся, как заразных; или это – давний суеверно-почтительный страх перед юродивыми, оставшийся в генной памяти?

– Ты че, длинноногая, без крыши, что ли?

– Сазон, завязывай эту муму терзать, погнали! Не видишь, шмара обколота до полной измены?

– Не, она, видать, от природы убогая... – отозвался Сазон и хлопнул дверцей.

Аля, продолжая строить губами жизнерадостно-олигофренический оскал, перевела дух: отвязались. И тут в салоне мелодично пропел звонок мобильного. Она пошла было дальше, чуть ускоряя шаг и ища глазами улочку поуже, куда бы юркнуть и куда этот танк на колесах ни за что не протиснется... Тщетно. Сплошные заборы, палисадники, занавешенные деревянными жалюзи окна... Девушка шла прямо, чувствуя, как по напряженной спине сбегает струйки пота, и напрягая всю волю, чтобы не сорваться и не побежать! Развернуться они не успеют, но и задним ходом догонят в два счета. Не говоря уже о том, что пуля – еще быстрее.

– Эй, мочалка, ну-ка погодь! – крикнул ей вслед из машины шофер.

Девушка продолжала идти молча, как глухая. Джип взревел мотором; на скорости подал назад, въехав на взгорок обочины, перегородил дорогу. Дверца снова распахнулась, из нее высунулся тот самый шофер – молодой парень, чуть ли не ей ровесник, хохотнул:

– А вот и снова здравствуйте! Как пишет пресса, «шалава, похожая на профурсетку генерального прокурора Куратова», – снова хохотнул, добавил:

– Ищут пожарные, ищет милиция... Ну а пуще всего ищет здешняя хулиганствующая молодежь.

С чего бы это?

Аля замерла, сохраняя на лице идиотскую улыбку, впрочем, вполне понимая, что первая «подача» ею проиграна.

Но она успела заметить на джипе две семерки, московские номера... Значит, не местные, братки на отдыхе, и информацию получили только что, по мобильнику. И еще она вдруг поняла, почему не побежала: когда джип стопорнулся рядом в тот, первый раз, она успела заметить в кармашке распахнутой дверцы торчащую рукоять пистолета; что-то крупное, типа «Кольта-19 П» или «беретты». Возможно, и с глушаком, раз рукоять не прибрали. Надежность чужого оружия манила девушку, как доза – наркомана. А вообще – круты братки, коли разъезжают так вот запросто со стволом наголо, будто морские офицеры с кортиками или грузины – с кинжалами... А может, это и есть теперь элемент декора, формы, национальной одежды «братвы всяя Руси»? И потому никого из служилых ментов и теперь не шокирует, а в ближайшем будущем вообще перестанет удивлять наличие шпалеров и винторезов у пассажиров этих бронетранспортеров на колесах?

На этот раз «посторонние» мысли совеем не мешали девушке; они неслись сами собою, но Аля притом чувствовала себя собранной и готовой действовать мгновенно, молниеносно: завладеть оружием, а там – по обстоятельствам. Вот только... В том, что она не готова больше стрелять в людей, Аля не желала признаться даже самой себе.

Тем временем с переднего пассажирского сиденья объявился длинноволосый хлыщ, облокотился на крышу машины, рук его Аля не видела, это было скверно. А с ее стороны, с заднего, вылез здоровый, плотный мужчина лет около сорока; на нем кроме спортивных штанов была майка; Аля заметила на спине несколько вытатуированных куполов; оттуда же, со

спины, шли вроде аксельбанты, образуя подобие погон, но ни самих погон, ни звезд на плечах не было, значит, не законник, но авторитет немаленький, масть не пустячная, козырная масть.

Чуть прищурившись, мужчина некоторое время смотрел на девушку, потом произнес:

– А ты красивая. Сразу тебя и не разглядел. Только дуру больше не играй, ладно? Присаживайся в машину. Побарзарим.

Глава 21

Аля прикусила губу: стоит сесть в машину, и ей крышка. Сейчас у нее два выхода: врезать крутому носком кроссовки по причинному месту – да будь ты хоть царь Салтан, а свалишься от такого удара, как простой: природа. А дальше – выхватить пистолет, который ребята хранят столь небрежно и демонстративно, и тогда еще посмотрим, кто здесь козырь! Убивать она их не станет, но подранить может вполне качественно! Ну и бегать – тоже не разучилась. Главное – не дать себя схватить: у этого расписного такие руки, что... изломает враз! На всякий случай Аля сделала шаг назад, произнесла:

– Не о чем нам говорить, ребята. Я своей дорогой пойду, вы – своей.

Длинноволосый тем временем сделал неуловимое движение; теперь в судорожно сведенных руках он держал миниатюрный коротенький «глок», нацеленный Але в голову. Впрочем, ситуация если и изменилась, то не намного: этот горе-стрелок слишком жестко, картинно держал оружие, значит, и обращаться с ним ласково не умеет; стоит ей сделать шаг в сторону – и голова крутого авторитета окажется на линии огня... Аля только усмехнулась горько, произнесла, постаравшись вложить в интонацию как можно больше сарказма:

– Детский сад – трусы на лямках! Расписной обернулся:

– Сазон, ты что, в Леона-киллера решил поиграть? Убери пушку и прикинься ветошью, понял!

– Владимир Евгеньевич, я хотел как лучше...

– Не надо. Чтобы не получилось как всегда, нырни в салон и не отсвечивай!

Сазон понятливо кивнул и исчез в машине.

– Ну что ж... – Татуированный еще раз смерил девушку оценивающим взглядом, – приглашение не принимаешь, и не надо. Пойдем вон на взгорочек, потолкуем. То, что ты Рому Жида завалила, это круто; мне хотелось бы узнать, кто заказал. И не суетись, девка: облава на тебя, не уйдешь! Только... Нам ни это местное бакланье, ни Ромино «мясо» – не указ и не закон, да и зарвался Рома в последнее время... Вот только не настолько, чтобы его валить. На сходянке об нем разговор шел, перетерли, решили самого выслушать, а кто-то его так ловко и ладненько двумя пульками заласкал – до смерти...

– Я не...

– Ша. Молчать в детстве не научили и старших слушать?.. – Авторитет вытряхнул из пачки сигарету, взял губами, чиркнул кремнем зажигалки, окутался ароматным голубоватым дымком. – Не то беда, что Рому завалили... А то, что той же ночью и Батю с братками прищучили, и – никаких концов, как Мамай прошел!

Выходит, осиротело побережье, совсем осиротело, бери голыми руками – не хочу...

Да уже шуток прошел, что Батю сотоварищи – Ромины ребятки – поваляли, а те, напротив, – самого Жида в жмуры перевели... И что в результате? Кое-где по бережку уже и постреливают, счета на балансы наводят, это в разгар сезона!

Междусобойчик у них тут! А ведь еще серьезные деловые не подключались, уж очень лакомый кус беспризорным остался, ты даже себе не представляешь, девушка, до чего лакомый! А где сладкое, там и мухи. Большие и трупные. Сейчас, как три-четыре года назад, отморозки дурные плодятся-размножаются начнут, как на падали... – Авторитет снова вздохнул, непритворно тяжело:

– Вот такие делишки заварились, а ты говоришь: «У меня – своя дорога, у вас – своя!» Нет у тебя никакой своей дороги, кроме как на кладбище, девочка, нет. Ромины охоронцы тебя так или иначе достанут, чтоб политес, значит, соблюсти. А я тебе так скажу: нам, серьезным деловым. Рома был не брат и не сват; шуток упорный ходил, что крысятничает, общак кидает, с турканами напрямую стакнулся, с соплеменниками своими дела крутит в обход солн-

цевских... Куда это годится? К чему я веду, девка? К тому, что мы тебя еще можем простить, Ромины бодигарды – никогда. И лишнего шума нам не нужно. Так что садись-ка ты, красивая такая, в тачку, и поехали из этих палестин в столицы, разборы чинить: так-то оно всем лучше. И «нет» тебе не ответить: боюсь, те, что тебя ищут, не раскладов от тебя ждут, а побыстрее в лучший мир сопроводить желают... Нет?

Аля стояла, слушала, половину из сказанного просто не понимала, пропускала и чувствовала притом огромную усталость. Расписной имел ту власть, которую имел, не напрасно: он почти убедил ее, еще немножко, и она покорно сядет в автомобиль и положится на волю Провидения да на справедливость братанской разборки... Но будто острая точка пульсировала маячком в мозгу: нельзя, нельзя, нельзя... Пока она свободна. Сво-бод-на. И – вольна принимать решения, сопротивляться, бежать, наконец. Этот Владимир Евгеньевич умен, целеустремлен, настойчив и абсолютно уверен в себе; говорит, глядя ей прямо в глаза, и от этого взгляда ей становится нехорошо, хотя Олег и учил ее специально и «держатъ взгляд», и уходить из-под него, все равно; и это был не страх, нет, какое-то властное желание прислониться к чужой силе, укрыться за ней... Самое человеческое из всех желаний, самое женское из всех человеческих... Был бы рядом Олег... Но его рядом нет. Он остался в той, другой жизни, и как теперь к ней вернуться? Но она постарается.

Алины мысли бежали словно сами собой, а рефреном она слышала слова Ксении:

«Вот только пропадать не хочется. Жалко пропадать». В том, что ее убьют непременно и обязательно, она уже не сомневалась: чем бы ни закончился «разбор полетов», оставить ее в живых никто не озаботится.

Девушка сосредоточилась. Она не забывала внимательно следить за тем, чтобы Владимир свет Евгеньевич не приблизился к ней ни на шаг; а он и не пытался.

Слишком был уверен в себе. В своем уме, мужском обаянии, куражном азарте. Чего греха таить, при других обстоятельствах Аля с удовольствием поддалась бы той силе, что исходила от этого мужчины. Но не теперь. Она решилась.

Кивнула, обреченно, потерянно, произнесла едва слышно, одними губами:

– Хорошо...

Ей было не важно, слышит ее сейчас Владимир Евгеньевич или нет; девушка играла на другом: на неистребимом мужском тщеславии и самодовольстве. Весь ее вид сейчас должен был говорить ему: да, он победил, он красноречив, обаятелен, неотразим! Он подчинил ее себе. Под-чи-нил!

– Ну вот и славно... – Мужчина подался чуть в сторону, галантно пропуская девушку вперед, Аля сделала быстрый шаг и вдруг – с лета, мыском ступни ударила мужчину туда, куда наметила! Не дожидаясь, пока он скорчится и рухнет, пнула другой ногой, освобождая путь, наклонилась, одним движением выхватила пистолет из кармана дверцы, щелкнула затвором, почувствовала, как патрон пошел в патронник, и снова отступила на шаг, направив оружие на сидевших в машине.

– Не дергаться! Руки на руль и на доску, чтобы я их видела!

– Сучка, да ты... – попытался было качать права водила, высунувшись из машины, – видно, слишком не вязался вид грозного боевого пистолета и хрупкой девушки, сжимающий его в руках.

– Сидеть, сявка! – хрипло, с присвистом выдохнула Аля. – Башку проломлю! – Сообщила, быстро перевела ствол на корчащегося в пыли авторитета, добавила в голос почти не наигранной истерики:

– Застрелю!

– Тебе кранты, сучка! Я тебе ноги выдерну! – в запале проорал водила, но замер мгновенно, остановленный полным боли рывком старшего:

– Молчать! Сидеть! Оба!

Длинноволосый Сазон оказался самым дисциплинированным: каким-то пятым чувством он понял, что слова девушки – не пустая угроза, и смиренно себе отдыхал, положив руки ладонями вниз на приборную доску.

Владимир Евгеньевич, кряхтя и морщась, прижимая руки к паху, поднялся, скроил на лице подобие улыбки, оскалив крепкие клыки, словно крупный палевый пес, ограниченный в своей нутряной злобе длинной цепью.

– Переиграла, кукла. Ну-ну. Еще не вечер. – Распрямился, хотя стоило это ему невероятных усилий и нешуточной боли. – Шмалять будешь?

– Дернешься – буду!

– Ну-ну. Верю. Рому Жида ухлопать и уйти чисто – твердая рука нужна. И мозги светлые. Недооценил. Ну что? Раскланялись-разбежались? Только клятв с меня не бери, шавка, что преследовать не буду и искать не стану. Сумею – достану, не прощу. Все поняла? Или – повинись? Шпалер, пыль, остальное спишем на бабскую истерику. А?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.